

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

3 (333) – 2024

Научно-информационный журнал

Издается с 1992 года

Учредитель:
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция журналов «Россия и мусульманский мир»
на русском и английском языках

Редакционная коллегия

Бибикова О.П. – канд. ист. наук, и.о. главного редактора,
Гинесина Н.В. – отв. за выпуск на англ. яз.,
Ниязи А.Ш. – канд. ист. наук, зам главного редактора (ИВ РАН),
Атамали К.Е. – отв. секретарь

Аватков В.А., д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Дипломатическая академия МИД РФ
Аликберов А.К., д-р ист. наук, директор ИВ РАН
Белов (Юртаев) В.И., д-р ист. наук, профессор, РУДН им. Патриса Лумумбы
Белозёров В.К., д-р полит. наук, МГЛУ
Гордон А.В., д-р ист. наук, ИНИОН РАН
Добаев И.П., д-р филос. наук, канд. полит. наук, эксперт РАН, ЮФУ
Золотухин В.В., д-р теологии, ИКСА РАН, НИУ ВШЭ
Котюкова Т.В., канд. ист. наук, ИВИ РАН
Кудаяров К.А., канд. ист. наук, ИНИОН РАН
Кузнецов И.И., д-р полит. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова
Малышева Д.Б., д-р полит. наук, ИМЭМО РАН
Мельник С.В., д-р филос. наук, ИНИОН РАН
Мирзеханов В.С., д-р ист. наук, профессор, ИВИ РАН, ИНИОН РАН
Муртазин М.Ф., канд. филос. наук, ИМЭМО РАН
Рогожина Н.Г., д-р полит. наук, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
Салихов Р.Р., д-р ист. наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Следзевский И.В., д-р ист. наук, Институт Африки РАН
Тихонов Ю.Н., д-р ист. наук, профессор, ЛГПУ имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского
Юзеев А.Н., д-р филос. наук, профессор, РГУП (Казанский филиал)

**INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**RUSSIA
AND
THE MOSLEM WORLD**

3 (333) – 2024

SCIENCE-INFORMATION JOURNAL

Published since 1992

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Publishing Department of the Journals
“Rossiya i Musulmanskii Mir” & “Russia and the Moslem World”

Editorial Board

Olga Bibikova – Acting Editor-in-Chief, INION, Moscow, Russian Federation;

Natalia Ginesina – Managing Editor, INION, Moscow, Russian Federation;

Aziz Niyazi – Deputy Editor-in-Chief, Institute of Oriental Studies,

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

Ksenia Atamali – Executive Secretary, INION, Moscow, Russian Federation

Vladimir Avatkov, INION; Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow, Russian Federation
Alikber Alikerov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir Belov (Yurtaev), Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Vasilii Belozеров, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Alexander Gordon, INION, Moscow, Russian Federation

Igor Dobaev, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Vsevolod Zolotukhin, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Tatyana Kotyukova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kanybek Kudayarov, INION, Moscow, Russian Federation

Igor Kuznetsov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dina Malysheva, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Sergey Melnik, INION, Moscow, Russian Federation

Velihan Mirzhanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, INION RAN, Moscow, Russian Federation

Marat Murtazin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Natalia Rogozhina, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radik Salikhov, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Igor Sledzevsky, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Yuri Tikhonov, Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation

Aidar Yuzeev, Russian State University of Justice (Kazan Branch), Kazan, Russian Federation

ISSN 1998-1813
Journal is indexed in the Russian Science Citation Index
DOI: 10.31249/rimm/2024.03.00

© INION RAN, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Добаев И.П.</i> Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе	9
---	---

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атамали К.Е.</i> Азербайджанцы вне Азербайджана (Часть 2).....	23
---	----

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Ахмедов В.М.</i> Политика Ирана в сирийском конфликте: религиозное измерение.....	36
<i>Зинин Ю.Н.</i> Конфликт в Газе в контексте идейных установок ХАМАС.....	43
<i>Останин-Головня В.Д.</i> Положение шиитского меньшинства Саудовской Аравии на современном этапе	62
<i>Бибикова О.П.</i> Причины радикализации суннитов Ирака (2003–2005).....	73

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Филоник А.О. Арабская женщина: от старых догм к новым реалиям (Часть 2)	89
--	----

CONTENTS

MODERN RUSSIA: IDEOLOGY, POLITICS, CULTURE AND RELIGION

<i>Dobaev I.P.</i> The Split of the Muslim Elite in the North Caucasus: Reasons and Consequences	9
---	---

PLACE AND ROLE OF ISLAM IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE CAUCASSUS AND CENTRAL ASIA

<i>Atamali K.E.</i> Azerbaijanis outside Azerbaijan (Part 2)	23
--	----

ISLAM IN FOREIGN COUNTRIES

<i>Akhmedov V.M.</i> Iran's Policy in the Syrian Conflict: The Religious Dimension.....	36
<i>Zinin Yu.N.</i> The Conflict in the Gaza Strip in the Context of Hamas' Ideology	43
<i>Ostanin-Golovnya V.D.</i> The Shia Minority in Saudi Arabia: The Current Situation.....	62
<i>Bibikova O.P.</i> Reasons for the Radicalization of Sunni Muslims in Iraq.....	73

THE MOSLEM WORLD: THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS

<i>Filonik A.O.</i> Arab Woman: From Old Dogmas to New Realities (Part 2).....	89
---	----

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Добаев И.П.^{*}
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ РАСКОЛА
МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭЛИТЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

DOI: 10.31249/rimm/2024.03.01

Для цитирования: Добаев И.П. Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2024. № 3 (333). DOI: 10.31249/rimm/2024.03.01

***Аннотация.** В постсоветский период вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации, под сильным внешним воздействием, наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появления и институционализации на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе. В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а затем стали складываться предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.*

^{*} Добаев Игорь Прокопьевич, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, e-mail: ipdobaev@sfsedu.ru

Ключевые слова: духовные управления мусульман; ислам; исламизм; салафизм; Северный Кавказ; суфизм; тарикаты; традиционный ислам.

Ислам в Российской Федерации преимущественно локализован в его суннитской версии ханифитского толка. В то же время исследователи четко дифференцировали два качественно отличающихся друг от друга ареала распространения ислама – Поволжье, Урал и Западная Сибирь, с одной стороны, а с другой – Северный Кавказ. На Северном Кавказе за последние два десятилетия религиозно-политический экстремизм и терроризм стали суровой реальностью, поэтому сконцентрируем внимание именно на нем.

На Северном Кавказе, как и в других регионах России и мира, ислам не представляет собой монолита, но разобщен в рамках существующих направлений, толков и идейных течений. В регионе, как и в других субъектах РФ, доминирует его суннитская версия, относительно небольшое количество шиитов (по данным Комитета по делам религий Республики Дагестан – около 45 тыс. человек) проживает в южной части этой северокавказской республики. Их невысокая численность и относительная политическая пассивность позволяет в ходе дальнейшего анализа вывести их за рамки данного анализа.

Что касается толков (мазхабов, или правовых школ в исламе), то с этой точки зрения северокавказский ислам достаточно условно можно разделить на две части: на Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания) представлен ханифитский мазхаб, считающийся самым мягким и гибким в исламе. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня и Ингушетия) преобладает шафиитский толк, более жесткий, чем ханифитский.

Однако самое значимое расслоение фиксируется на поле идейных течений в исламе (традиционализм, фундаментализм, модернизм), прежде всего, по линии традиционализм – фундаментализм. Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих. Модернистские тенденции в регионе пока еще крайне слабы и противоречивы и существенной роли в общем раскладе сил не играют. Поскольку самой исламизированной республикой Северного Кавказа является Дагестан, то в дальнейшем в ходе аргументирования тех или иных положений мы будем в большей степени опираться на дагестанский исламоведческий материал.

Традиционный ислам представляет собой, прежде всего, институционализированное мусульманское духовенство – административно-управленческий аппарат религиозных организаций – духовные управления мусульман (ДУМ), а также подведомственные им структуры (мечети, исламские образовательные учреждения и др.). Эти исламские институты принято считать «официальным исламом», или, что характерно для восточной части региона, «мечетным исламом». На Северо-Восточном Кавказе имеется также еще и другая институционализированная группа традиционалистов – сторонники «немечетного ислама», представленные многочисленными вирдовыми, или мюридскими, братствами трех суфийских тарикатов (накшбандийа, кадирийа, шазилийа) во главе со своими руководителями – шейхами и устазами.

Традиционный ислам – сложное, многоуровневое и противоречивое явление. Он также далеко не един. В ДУМ, главных институтах «официального ислама», фиксируются конфликты интересов между отдельными служителями культа. В некоторых республиках, в частности в Дагестане, еще относительно недавно существовал целый ряд этнически ориентированных ДУМ. Имеются противоречия между духовными управлениями мусульман различных северокавказских республик. В рамках созданного в 1998 г. КЦМСК (координационный центр мусульман Северного Кавказа) между некоторыми муфтиями время от времени фиксируется всплеск борьбы за высший пост в данной структуре. Постепенно осуществляется ротация кадров «официального ислама», имамами мечетей, другими служителями мусульманского культа становятся люди, получившие образование за рубежом, а потому нередко являющиеся носителями далеких от традиционных в регионе ценностей.

Другим влиятельным отрядом традиционализма, влияющего на религиозно-политическую ситуацию в республиках Северо-Восточного Кавказа, является суфизм – мусульманский мистицизм (см. о суфизме: [1]). Например, только в Дагестане действуют около 20 шейхов накшбандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов. По этническому составу накшбандийский тарикат исповедуют аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы. Кадирийскому тарикату следуют чеченцы и андийцы. Шазилийский тарикат распространен среди аварцев и в меньшей степени – среди кумыков и даргинцев. Общее число активных суфиев в РД, по различным данным, составляет до 55 тыс. человек, причем примерно 75% из их числа проживают на севере и западе

Дагестана. Наиболее влиятельным шейхом одновременно накшбандийского и шазилийского тарикатов, с наибольшим числом мюридов, до недавнего времени был Саид Ацаев (Саид-апанди Чиркейский), трагически погибший из-за самоподрыва террористки-смертницы в 2012 г. Авторитетом также пользуются Сиражудин Ибрафимов, Магомед-Мухтар Бабаев, Магомед Курбанов, Магомед-Гаджи Гаджиев, Магомед Рабаданов, Арсланали Гамзатов, Магомед-Хабиб Рамазанов (см. об этом: [2]).

Суфизм также распространен в Чечне и Ингушетии, там действуют более 30 вирдовых братств накшбандийского и кадирийского тарикатов (см. об этом: [3]). Более того, приверженность к суфизму у вайнахов более сильна, нежели у дагестанцев. Однако исследование суфийских структур здесь затрудняется закрытостью от посторонних вирдовых братств, поэтому исследовательская литература по проблеме в целом скромна. Подчеркнем также, что в центральной и западной частях Северного Кавказа суфизм распространения не получил. Этим, по нашему мнению, и объясняется меньшая исламизированность данного кавказского субрегиона по сравнению с Северо-Восточным Кавказом, как в историческом контексте, так и в наши дни. Вместе с тем на Северо-Восточном Кавказе отмечается напряженность в отношениях между различными суфийскими структурами, их шейхами и мюридами.

Отсюда следует, что традиционный ислам в регионе («мечетный» и «немечетный») калейдоскопичен, полон противоречий, которые, помимо отмеченных выше, можно было бы артикулировать и дальше. Разумеется, все это не может не отражаться на настроениях и взглядах простых верующих, большинство из которых также можно отнести к традиционалистам. Северокавказский традиционный ислам пребывает вне поля модернизационных процессов, фиксируемых в других «мусульманских» регионах России, прежде всего в Поволжье.

В постсоветский период фиксируется неуклонная политизация традиционного, «официального» ислама. Как правило, в этом процессе наблюдается взаимодействие властей и официального духовенства, их взаимное притяжение. Власти нередко используют мусульманскую риторику, пытаются опереться на авторитет ислама и служителей культа. Например, в 90-е годы XX в. среди представителей некоторых республиканских институтов власти существовало даже мнение о том, что «спасение» национальных республик лежит в плоскости ориентации исключительно на ислам (см. например: [4]). В свою очередь, мусульманские лидеры пытаются приоб-

щаться к власти и властным структурам, заявляя, в частности, что только они способны противостоять исламским радикалам. Однако главной причиной политизации официального ислама стала их борьба с привнесенной извне салафийей¹, в ходе этой борьбы и произошла окончательная смычка светских властей с официальным мусульманским духовенством.

Одновременно неуклонно укреплялась инфраструктура официального ислама. В частности, только в Дагестане в 2010 г. действовало 2240 исламских организаций (из них 2220 суннитских: 1122 джума-мечетей, 699 квартальных мечетей, 178 молитвенных домов, 16 исламских высших учебных заведений, 15 их филиалов, 116 медресе, 94 мактаба, а также 20 шиитских объединений: семь центральных мечетей, шесть квартальных мечетей и семь молитвенных домов). Служителей исламских религиозных объединений (имамов, будунов, муэдзинов и др.) в этой республике – более 2500 [5, с. 169–170]. Аналогичные показатели в других республиках, хотя и скромнее по сравнению с Дагестаном, так же впечатляют, особенно по сравнению с советским периодом.

Исламские организации располагают собственными и подконтрольными СМИ. Например, Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) имеет свой официальный печатный орган – газету «Ассалам», которая выходит на восьми языках (русском, аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, чеченском и табасаранском). По своей концепции и содержанию к этому изданию близко примыкает еженедельник «Исламский вестник», газета «Нур-ул ислам», журнал «Ислам». Электронные версии газет «Ассалам» и «Нур-ул ислам» размещаются в Интернете. В Дербенте выходит ежемесячная газета «Ислам в Юждаге». Исламские организации Дагестана также активно используют возможности республиканского телевидения и радио: передачи «Мир вашему дому» на русском языке в ГТРК «Дагестан», «Час размышлений» на «ТНТ-Махачкала», «Путь к истине» на ТВ «Центр-Махачкала» и на «ТВ-Чиркей». Некоторые передачи дублируются на каналах кабельного телевидения. Пропаганда ислама ведется на волнах радио «Прибой», «Сафинат» и др. В республике многотысячными тиражами издается религиозная литература, в том числе и на языках различных этнических групп. Кроме того, в РД до недавнего времени завозилось большое количество религиозной литературы

¹ Салафийа – название течения в исламе, поборники которого призывают ориентироваться на образ жизни ранней мусульманской общины.

на русском, арабском и других языках, изданной как в России (издательствами «Бадр» и «Сантлада»), так и за рубежом. По имеющимся данным, в обороте на территории этой республики находится около тысячи наименований исламской литературы. Впрочем, такая ситуация характерна, в той или иной степени, и для других субъектов Северного Кавказа [5, с. 171–173].

Мусульманские объединения северокавказских республик, обладая широкой сетью организаций, опираясь на традиционные морально-нравственные ориентиры ислама, на авторитет духовных лидеров (алимов, шейхов), предпринимали активные шаги для усиления своего влияния на происходящие процессы в республиканских обществах. При этом укрепление позиций Духовных управлений мусульман в вопросах регулирования межконфессиональных отношений порождало централизацию религиозной власти, а, с другой стороны, усиливало центробежные тенденции, углубляло внутриконфессиональные разногласия и противоречия в мусульманских общинах.

Как уже отмечалось, главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью Пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) – шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме Халифата. Противостояние традиционалистов и салафитов в итоге привело к повышенной исламизации республик, особенно на Северо-Восточном Кавказе, хотя в первой половине 90-х годов XX в. власти отмежевывались от поддержки какой-либо из сторон, считая это внутренним делом исламских организаций и их лидеров, якобы занимающихся теологическими спорами. Однако начиная с середины 1990-х годов, во многом благодаря усилиям Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), где исключительным влиянием пользуются последователи местных ответвлений суфийских орденов накшбандийа, кадирийа и шазилийа, в межконфессиональное противостояние начинают вовлекаться представители федеральных и региональных властных структур, которые взяли курс на борьбу с «ваххабизмом» [6]. С принятием в 1999 г. в Дагестане «антиваххабитского» закона светские власти этой, а затем и других северокавказских республик, окончательно оформили союзнический альянс с представителями «официального» ислама.

Несмотря на некоторые негативные реалии и тенденции в традиционном исламе, федеральные и республиканские власти, и это в большей степени справедливо, рассматривают его как «толерантный ислам», заслуживающий признания и всемерной поддержки. Реально такой взгляд на вещи, в 1990-е годы абсолютно верный, сегодня по многим позициям ошибочен. На деле традиционный ислам политизирован, а порой радикален и даже агрессивен, практически во всех республиках Северного Кавказа, что чревато разрастанием внутренних трений и конфликтов, как непосредственно в среде традиционалистов, так и между традиционалистами с представителями других течений в исламе, прежде всего «ваххабизма» (точнее – «неоваххабизма»). Сказанное актуально, в первую очередь, для Северо-Восточного Кавказа, где в традиционализме беспрецедентно важную роль играет суфизм, полнейший антипод «чистого» ислама (он же – «ваххабизм», «неоваххабизм», «северокавказский ваххабизм», исламизм и т.д.). Поэтому неудивительно, что в конкретных исторических условиях на Северном Кавказе «столкнулись две полярные формы идентичности: исходная «традиционная идентичность» и привнесенная религиозными экстремистами «ваххабитская» идентичность» [7]. Еще раз подчеркнем, что суфизм и «ваххабизм» являются противоположными полюсами, главными антагонистами на северокавказском общеисламском поле, а потому конфликт между ними носит ценностный, непреходящий характер, решить который путем уступок и компромиссов вряд ли удастся.

Тем не менее в отсутствие модернизированного северокавказского ислама у светских властей практически нет выбора. В условиях нарастания исламистских тенденций, в противостоянии радикальным салафитам игнорировать традиционалистов нельзя, безоглядно же поддерживать и во всем им потакать становится опасно. Как следствие, несмотря на все усилия властей, политизация и радикализация ислама не ослабевают, захватывая при этом все новые российские территории. В то же время, следует подчеркнуть, что этот процесс на территории России начался именно в Дагестане.

Преждевременно ушедший из жизни талантливый дагестанский исламовед К.М. Ханбабаев (1956–2011) выделяет четыре этапа радикализации исламского движения в Дагестане [8].

По его мнению, на начальной стадии (конец 1980-х – 1991) осуществлялся так называемый «исламский призыв», заключа-

шийся во внедрении в массовое сознание дагестанцев основных идеологических посылов исламизма.

На второй, организационной стадии (1991–1999) фиксируется процесс институционализации радикальных группировок. Именно в этот период времени, начиная с 1997 г., на «ваххабитов» обрушивается волна репрессий, что стало побудительной причиной переселения («хиджры») в 1998 г. наиболее решительно настроенных салафитов во главе с их идейным лидером Магомедом Кизилюртовским из Дагестана в Чечню, где в селении Урус-Мартан стал функционировать их центр. Там произошла полная консолидация дагестанских и чеченских «ваххабитов», причем влияние на этот процесс со стороны зарубежных экстремистов, особенно арабских, в тот период было беспрецедентным.

Третья, насильственная стадия (1999) началась с призыва к «джихаду», односторонне понимаемому как ведение вооруженной борьбы с «врагами ислама», и заключалась в борьбе за установление исламского порядка, насильственного захвата власти в Дагестане. В этой республике на волне вооруженного противодействия бандам, вторгшимся с территории Чечни, 16 сентября 1999 г. принимается Закон «О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Согласно этому закону все «ваххабиты» были фактически приравнены к экстремистам и террористам и поставлены вне закона. Между тем упомянутый закон был принят поспешно, на волне глубокого народного возмущения вторжением боевиков со стороны Чечни.

На четвертой стадии (с начала 2000-х по настоящее время) исламистские радикальные группировки, потерпев поражение в открытой борьбе, ушли в подполье, перейдя к терактам в отношении представителей государственных и муниципальных органов власти и управления, правоохранительных органов, простых граждан.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что, вопреки устоявшемуся мнению, фундаменталистские группировки на Северном Кавказе появились еще в 70-х годах XX в. в виде небольших по формату подпольных групп единоверцев, сложившихся в Дагестане, а их основателем был М. Кебедов (Магомед Кизилюртовский). В конце 80-х – начале 90-х годов XX в. на гребне горбачёвской «перестройки» они, выйдя из подполья, под мощным воздействием извне, стали активно развиваться. Этот процесс был резко усилен в ходе первой чеченской кампании (1994–1996), вследствие участия на стороне бандформирований многочисленной прослойки зару-

бежных «моджахедов», а также отдельных радикально настроенных представителей других северокавказских республик. В период «чеченского межсезонья» (1996–1999) фундаментализм фактически прошел институционализацию на территории непризнанной Чеченской Республики Ичкерия. В ходе второй чеченской кампании произошел процесс «растекания» салафитов на всем северокавказском пространстве, предопределив последующий сложный ход политического процесса в регионе.

Поскольку предложенная К.М. Ханбабаевым характеристика этапов политизации и радикализации ислама наиболее адекватно отражает процессы в Дагестане, но не в полной мере учитывает происходящее в других северокавказских республиках, а тем более далеких от этого макрорегиона некоторых субъектах РФ, представляется целесообразным предложить несколько отличающиеся от вышеприведенных этапы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации. Тем более что религиозно-политические процессы последних двух-трех лет внесли серьезные качественные изменения в структуру и географию распространения исламизма и его крайних форм. Итак, представляем нашу версию периодизации радикализации российского ислама:

1. 1970-е – начало 1990-х годов XX в. знаменуют первый этап. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмысления их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает уже упоминавшийся Магомед Кизилюртовский. Силовые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. Начало 1990-х – 1994 г. Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществляют так называемый «салафитский призыв» путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как «такфир» и «джихад», в их специфической «ваххабитской» интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», фиксируются ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например, издательство «Сантлада» в селе Первомайское Хасавюртовского района Дагестана). В Россию начинают прибывать миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских дисциплин, одновременно начинается выезд для получения исламского образова-

ния за рубежом российской мусульманской молодежи. Первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. Декабрь 1994 – начало 2000-х годов характеризуется доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между ними, сопровождались концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен-Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные исламисты со своим лидером – М. Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. Сентябрь 1999 – 2007 гг. Этап характеризуется началом второй чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается эпицентром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования так называемой ЧРИ (Чеченская Республика Ичкерия). В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории Северного Кавказа. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры «джихада» (схроны, блиндажи, бункеры и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в том числе далеко за пределами Северо-Кавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер.

Значимым на данном этапе представляется то, что если в 1990-е годы XX в. северокавказские «ваххабиты» были представлены умеренно-радикальной и ультрарадикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выроди-

лась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультра-радикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007–2013 гг. Пришедший к власти в виртуально существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер – Доку Умаров – объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему, на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается новое государство – «Имарат Кавказ», управление которым осуществляется по образу и подобию исламских государств прошлого (Халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в «Имарат» на правах провинций входят так называемые «вилайеты» – конкретные республики Северного Кавказа, а в перспективе и другие регионы России. В свою очередь, указанные «вилайеты» состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – так называемые «джамааты», представляющие собой, по сути, диверсионно-террористические группировки, иначе говоря – банды.

6. Конец первого десятилетия – начало второго десятилетия XXI в.: наблюдается распространение влияния «Имарата» и его лидеров на другие «мусульманские» территории – в Поволжье, Урале и Западной Сибири, прежде всего на Татарстан.

7. Второе десятилетие XXI в. – наст. время: появление исламистских группировок в «исламских анклавах» [9] в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать новой тенденцией в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расползании метастазов исламизма по территории страны. Процесс усилился появлением на Ближнем Востоке ИГИЛ и его влиянием на радикальные группировки в России, прежде всего на Северном Кавказе. Хотя ИГИЛ и разгромлено, но его влияние на процесс радикализации исламистских структур до сих пор ощущается.

Совершенно очевидно, что последние три этапа радикализации ислама и исламского движения напрямую затрагивают уже не

только Северный Кавказ, но и другие регионы России, формируют качественно новую структуру исламистских группировок, подготавливают почву для разработки более грандиозных геополитических планов по переформатированию политического поля страны. Именно поэтому они нуждаются в более подробном осмыслении и описании. Если проигнорировать эту негативную тенденцию, вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Итак, очередным этапом «растекания ваххабизма», по нашему мнению, следует считать укрепление позиций его адептов в «мусульманских анклавах», появившихся и укрепившихся в последние два десятилетия в некоторых российских мегаполисах. Впрочем, такие «анклавы» уже давно сложились в некоторых европейских государствах, например во Франции, а потому их опыт может оказаться полезным и для России (см. об этом: [10]). Европейские реалии свидетельствуют о том, что этнически и религиозно однородные общины мигрантов активно и достаточно успешно формируют «анклавную» среду обитания, которая тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах, а центром их сосредоточения, как правило, выступают мечети или молельные помещения. Одновременно одним из последствий появления подобных «анклавов» становится криминализация и религиозно-политическая радикализация некоторой части мигрантов, что неизбежно приводит к появлению латентных очагов социально-политической конфликтности в достаточно продолжительной перспективе, к их неизбежной конфронтации с местным населением. По нашему мнению, говорить в данном случае о толерантном «евроисламе» не приходится, скорее, речь идет об исламизации Европы, причем в самых опасных формах. События первых лет нового тысячелетия в Испании, Великобритании, Франции и других европейских странах рельефно подтверждают этот тезис. Как следствие, в последние годы европейские политики в унисон заговорили о провале идеологии и практики мультикультурализма в Европе, о несовместимости исламизма и западно-либеральных ценностей.

Аналогичные «анклавы» появились и в российских городах, чему в немалой степени способствуют миграционные процессы из стран Центральной Азии и некоторых регионов Южного Кавказа.

Таким образом, в постсоветский период, вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации, под

сильным внешним воздействием, наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появления и институционализации на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе. В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедшие институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последние два десятилетия складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

Список литературы

1. *Тримингэм Д.С.* Суфийские ордены в исламе. – М., 1989; *Шиммель Аннемари.* Мир исламского мистицизма. – М., 2000; *Эрнст Карл.* Суфизм: мистический ислам. – М., 2012.
2. *Абдуллаев М.А.* Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе. – Махачкала, 2000.
3. *Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Дону, 2004; *Акаев В.Х.* Суфийская культура на Северном Кавказе. – Грозный, 2011.
4. *Асиятилов С.Х.* Спасение Дагестана в Исламе. – Махачкала, 1989.
5. *Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М.* Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ // Южнороссийское обозрение. – Выпуск № 60. – Ростов н/Дону, 2010.
6. *Бобровников В.О.* Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане. // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8).
7. *Абдурахманов Д.Б., Акаев В.Х., Дадуев М.А.* Северный Кавказ: преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение межнационального согласия // Южнороссийское обозрение. – Выпуск № 76 / под ред. Черноуса В.В. – Москва – Ростов н/Дону, 2013. – С. 7.
8. *Ханбабаев К.М.* Этапы радикализации исламского движения в Дагестане // Южнороссийское обозрение. – Выпуск № 72. – Ростов н/Дону, 2012. – С. 37–38.
9. *Добаев И.П.* Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 1. – С. 56.

10. Добаев И.П. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 4.

Статья поступила в редакцию 13.08.2024.

Принята к публикации 10.09.2024.

Dobaev I.P.

**The Split of the Muslim Elite in the North Caucasus:
Reasons and Consequences**

Igor P. Dobaev,

DSc(Philosophy), Professor,
Expert of Russian Academy of Sciences,
Director of Center of Regional Studies,
Institute of Sociology and Religion,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: ipdobaev@sfsedu.ru

***Abstract.** In the post-Soviet period, due to the weakening of Russian state institutions, under strong external influence, there was a steady process of politicization and radicalization of Islam and Islamic groups, as well as the emergence and institutionalization of non-traditional Islamist movements in the country. This process was aggravated by the weakness and disunity of traditional and official Islam in Russia, and the implementation of separatist projects in some regions of the country, primarily in the North Caucasus. Due to a number of reasons, objective and subjective factors, stable groups of radical Salafis emerged and gained foothold on the territory of Russia; they were initially institutionalized in some North Caucasian republics. Subsequently, the “spread of jihad” occurred practically throughout the entire North Caucasus, and then the ground for the formation of radical Salafist groups was prepared in the Volga region, the Urals and Western Siberia; there were also preconditions created for their emergence in the “Muslim enclaves” of Russian megacities.*

***Keywords:** Muslim Spiritual Directorates; Islam; Islamism; Salafism; North Caucasus; Sufism; tariqas; traditional Islam.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Атамали К.Е.* АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ ВНЕ АЗЕРБАЙДЖАНА (Часть 2)

DOI: 10.31249/rimm/2024.03.02

Для цитирования: Атамали К.Е. Азербайджанцы вне Азербайджана (Часть 2) // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2024. № 3 (333). DOI: 10.31249/rimm/2024.03.02

Аннотация. В статье исследуется жизнь азербайджанцев за пределами Азербайджана, активность азербайджанских диаспор по всему миру, деятельность диаспорских организаций, история миграции и география расселения. Из 50 млн азербайджанцев по всему миру только пятая часть проживает в самом Азербайджане. В статье особое внимание уделено азербайджанским диаспорам в Европе (в особенности в Германии, Великобритании и Франции), в США, Канаде, странах СНГ и Грузии. Дается справка о многочисленных азербайджанских организациях, общинах и культурных центрах, действующих за рубежом.

Ключевые слова: Азербайджан; диаспора, диаспорские организации; миграция; азербайджанская диаспора; азербайджанцы в странах СНГ; азербайджанцы в США; азербайджанцы в Великобритании; азербайджанцы во Франции; азербайджанцы в Германии; азербайджанцы в Европе; азербайджанцы в Канаде; азербайджанцы в Грузии.

В первой части данной статьи были исследованы исторические предпосылки и волны миграции азербайджанцев, а также рассмотрена деятельность диаспорских организаций как на региональном уровне, так и на международном. Также были

* Атамали Ксения Евгеньевна, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН, e-mail: mrsxeniya@ya.ru

исследованы три самые большие азербайджанские диаспоры в мире: в Иране (32 млн), Турции (более 3,3 млн) и России (2 млн). Всего в настоящее время в 70 странах мира проживает свыше 50 млн азербайджанцев, причем в самом Азербайджане – менее 10 млн. Во второй части статьи будут подробно рассмотрены диаспоры в Европе, Америке, странах СНГ и прочих государствах, где проживает значительная доля азербайджанцев.

Азербайджанцы в Грузии

По оценкам в Грузии проживает около полумиллиона азербайджанцев (согласно переписи 2014 г. – 233 тыс.) [1]; они являются второй по численности этнической группой в стране; расселены в основном на юге, юго-востоке и в центральных областях страны, в особенности в таких краях (мхаре), как Квемо-Картли (224 тыс.), Кахети (40 тыс.), Шида-Картли (5,5 тыс.) и Мцхета-Мтианети (2,3 тыс.). Также в Тбилиси (15 тыс.) есть историческое азербайджанское сообщество [2].

Азербайджанцы в Грузии появились еще в конце XV – начале XVII в., когда они стали основывать поселения на южных окраинах страны [3], постепенно расселившись по другим районам. Во времена Российской империи азербайджанцев здесь называли «татарами». Во времена СССР несколько тысяч азербайджанцев подверглись принудительной депортации. В 1980-х годах между грузинами и азербайджанцами обострилась напряженность, хоть и не перешедшая в вооруженный конфликт. В Квемо-Картли азербайджанские семьи выселялись из домов, чиновники-азербайджанцы снимались с административных должностей, произошел ряд столкновений. В начале 1990-х годов многие азербайджанцы эмигрировали, а азербайджанские географические названия были заменены грузинскими [4].

Что касается диаспорских организаций, то в 2008 г. был основан Конгресс азербайджанцев Грузии (КАГ), а в 2009 г. – Ассоциация азербайджанских студентов Грузии [5]. С 1922 г. печатается газета «Гюрджюстан» на азербайджанском языке, а в Тбилиси функционирует Государственный азербайджанский драматический театр, основанный еще в 1909 г. Азербайджанцы в Грузии исповедуют как шиизм, так и суннизм, а разговаривают на борчалинском диалекте [6].

Азербайджанцы в Европе

Из европейских стран самое большое количество этнических азербайджанцев проживает в Германии (280 тыс.), на втором месте Франция (75 тыс.), на третьем – Швеция (30 тыс.), и на четвертом – Нидерланды (20 тыс.). В других странах Европы их число не превышает 10 тыс. человек.

Отдельно необходимо отметить «Конгресс азербайджанцев Европы» (КАЕ), который был учрежден в Берлине в 2004 г., что значительно улучшило организацию диаспорских организаций по всему миру. Более 50 диаспорских организаций из 28 стран являются членами КАЕ. Основная задача конгресса – защита национально-культурных ценностей и политико-правовых интересов азербайджанцев за пределами Азербайджана. Кроме прочего, конгресс занимается поддержкой и спонсированием научно-исследовательских изысканий, исследовательских институтов и других проектов, связанных с Азербайджаном. Организация сотрудничает с диаспорскими ассоциациями в странах СНГ и других регионах [7].

Также стоит упомянуть азербайджанские общества и организации Швеции и Нидерландов, где проживает несколько десятков тысяч граждан азербайджанского происхождения. Шведская община в основном состоит из иранских азербайджанцев, иммигрировавших в 1980–1985 гг. В 2001 г. они создали «Азербайджано-шведский комитет». Годом ранее была основана «Азербайджано-шведская федерация», объединяющая 14 азербайджанских общин. В Нидерландах в Гааге с 1993 г. функционирует «Азербайджано-тюркский культурный кружок», который знакомит общественность с культурой Азербайджана. Также с 2003 г. «Азербайджано-нидерландское общество» ведет активную деятельность и издает газету «Бенилюкс». Говоря о странах Балтии, большинство азербайджанцев мигрировали сюда на основе советских экономических связей. В 1988 г. в Вильнюсе, Риге и Таллинне были основаны азербайджанские общества [7]. Всего на данный момент во всех трех республиках проживает менее 10 тыс. азербайджанцев [8].

Данные о количестве азербайджанцев, проживающих в **Германии**, сильно различаются. В 2019 г. немецкий посол в Азербайджане говорил о 25 тыс. человек [9], тогда как, по другим оценкам, их число может достигать 280–300 тыс. [10] Так или иначе, немецкие азербайджанцы сконцентрированы в Берлине и мигрировали из Турции, Ирана и Азербайджана. В 1920-е годы, после

распада АДР и притока азербайджанских мигрантов, в Германии издавались такие журналы, как «Ираншахр» (1921), «Истикляль» (1932–1934) и «Куртулуш» (1934) [11]. Следующая волна миграции произошла в 1960-е годы. Также азербайджанцы массово бежали в Германию в начале 1990-х годов вследствие начала Карабахского конфликта, увеличения количества беженцев в Азербайджане и ухудшения экономического положения в стране.

Большинство немецких азербайджанцев работают в сфере обслуживания и строительства, однако среди них есть также заметные деятели культуры, например известный журналист и писатель Вугар Нуреддин оглы Асланов. В 2013 г. азербайджанский журналист и бывший политзаключенный Эмин Милли основал в Берлине независимый новостной сайт Meydan.TV, ориентированный на азербайджанское сообщество [12].

Диаспора Азербайджана в Германии считается одной из крупнейших в Европе. На сегодняшний день в Германии существует более 30 азербайджанских организаций, в том числе «Азербайджано-германская академия» (с 1986 г.) и «Азербайджано-германское общество» (с 1988 г.) в Берлине. Крупные азербайджанские общества существуют в Берлине, Кёльне, Штутгарте, Нюрнберге и во многих других городах. Они занимаются продвижением азербайджанской культуры, организацией курсов по изучению азербайджанского языка, проведением национальных праздников, а также оказывают юридическую и финансовую помощь мигрантам, помогают с интеграцией в немецкое общество. В 2014 г. во Франкфурте делегация Государственного комитета Азербайджана провела встречу с главами азербайджанских диаспорских организаций Германии, обсудив жизнь немецких азербайджанцев [13].

По приблизительным оценкам число азербайджанцев **во Франции** составляет 70–75 тыс. человек [10]. Азербайджанцы во Франции в основном сконцентрированы в Париже, Эльзасе, Бордо и Марселе. Первая волна иммиграции во Францию пришлась на начало XX в. В 1919 г. азербайджанская интеллигенция образовала «Комитет Франция – Кавказ» и выпустила ряд бюллетеней и книг об Азербайджане на французском языке. Вторая волна пришлась на годы после Второй мировой войны, а третья волна в 1970–1980-е годы состояла в основном из экономических мигрантов и иранских азербайджанцев, спасавшихся от революции [14].

Во Франции функционирует ряд диаспорских организаций. В 1990 г. во французском Страсбурге открылся «Азербайджанский

культурный центр», занимающийся организацией культурных мероприятий и национальных праздников. В 1999 г. там же была создана «Ассоциация азербайджанских студентов во Франции», целью которой было не только объединение выпускников и студентов, но и распространение информации о таких событиях, как Черный январь и Ходжалинская резня. В 2003 г. группа азербайджанских студентов основала Молодежную ассоциацию «Азербайджан – Франция», развивающую межкультурные отношения между двумя странами. Кроме того, в Страсбурге с 2005 г. функционирует «Азербайджанский дом», объединяющий несколько сообществ [7].

Во Франции получили образование многие политические деятели АДР, которые позже жили здесь в эмиграции: председатель Парламента Алимардан-бек Топчибашев, министр промышленности и торговли Мирза Асадуллаев и министр земледелия Акпер Ага Шейхульисламов. Также следует упомянуть французского актера с азербайджанскими корнями Робера Оссейна; фотожурналиста с мировым именем Резу Дегати, бежавшего от Иранской революции; также в 2022 г. французо-азербайджанская пианистка Адиля Алиева получила высшую награду страны – орден Почетного легиона [15].

Азербайджанская диаспора в **Великобритании** небольшая: всего 17 тыс. человек [8], причем большинство проживает в Лондоне. Диаспора состоит из азербайджанцев, собственно, из Азербайджана, а также Ирана, Турции, Армении, Грузии, Средней Азии и России. Следует отметить, что основная миграция азербайджанцев в Великобританию началась в середине XX в. [7]

Британские азербайджанцы активно участвуют в общественной жизни страны. В 2006 г. в Лондоне был основан «Дом культуры и дружбы Азербайджана», а в 2011 г. Лейла Алиева (дочь Ильхама Алиева) запустила англоязычную версию журнала «Баку» [16]. Некоторые творческие деятели азербайджанского происхождения добились значительной популярности в Великобритании. Например, певец и композитор Сами Юсуф (по происхождению иранский азербайджанец) успешно исполняет исламские религиозные песни [17]. Среди спортсменов следует отметить бронзовых призеров Олимпийских игр 2020 Дженнифер и Джессику Гадировых, которых называют надеждой спортивной гимнастики Великобритании [18].

Хотя британские азербайджанцы практически не занимают значительных государственных должностей, они остаются политиче-

ски активными [19]. В Лондоне азербайджанская община проводит пикеты [20] и акции протеста [21] против «армянской агрессии».

Азербайджанцы в США и Канаде

Основная волна иммиграции азербайджанцев в **США** пришла на 1940–1950-е годы. Среди них были также беженцы, которые уехали в Иран и Турцию после падения АДР в 1920 г., а теперь перебрались в США в поисках лучшей жизни. Они осели преимущественно в Нью-Йорке, а также в северном Нью-Джерси и Массачусетсе, позже – в Техасе (Хьюстон) и Калифорнии (Сан-Франциско). Стоит отметить, что в районе Лос-Анджелеса существует большое иранское сообщество, преимущественно состоящее из иранских азербайджанцев. Данные о количестве азербайджанцев в США разнятся, по некоторым оценкам их число достигает 450 тыс. человек (в основном эмигранты из Ирана) [8].

На сегодняшний день в США функционируют более 30 диаспорских организаций. Первое «Азербайджанское общество Америки» было основано еще в 1957 г. в Нью-Джерси и до сих пор является одним из наиболее влиятельных институтов азербайджанской диаспоры [11]. В разные годы в Нью-Йорке, Техасе и Калифорнии были созданы азербайджанские дома, культурные центры и ассоциации, которые помогают азербайджанцам в Америке не утратить связь с Родиной. Отдельно стоит отметить крупную «Сеть азербайджанцев США», основанную в 2007 г., которая занимается защитой интересов американских азербайджанцев на всех уровнях. Она также объединяет и координирует деятельность тюркских диаспорских организаций, обществ и ассоциаций [22]. Что касается медиа, в Нью-Йорке, Вашингтоне и Калифорнии выпускаются журналы об Азербайджане на английском языке. В 2004 г. в Чикаго был запущен пантюркистский телеканал GünAz.TV, вещающий на азербайджанском языке; также каналу принадлежит сайт новостей [23].

В политическом плане американские азербайджанцы активизировались в конце 1990-х, выступая в защиту интересов Азербайджана по поводу Карабахского конфликта. Деятельность диаспоры даже привлекла внимание американского Конгресса [24].

Согласно переписи населения 2021 г., в **Канаде** менее 10 тыс. граждан заявили об азербайджанском происхождении [25]. Тем не менее, по другим подсчетам, число азербайджанцев в стране может достигать 170 тыс. [8] (из них 50–60 тыс. иранские азербайджанцы). По данным диаспоры, большинство проживает в провинции Онта-

рио и является иранскими азербайджанцами. Азербайджанская диаспора разделена на две части: беженцы из Ирана после Революции 1979 г. и экономические переселенцы из Азербайджана после обретения страной независимости в 1991 г. [26].

В Канаде функционирует ряд азербайджанских общественных организаций, которые были основаны в 2000–2010-х годах. Они в основном занимаются продвижением азербайджанской культуры в массы, организацией национальных праздников и мероприятий, а также благотворительностью и помощью мигрантам. Отдельно стоит упомянуть «Сеть азербайджанцев Канады» (основана в Торонто в 2020 г.), наиболее молодую, но наиболее влиятельную политически ориентированную организацию в Канаде [27]. Так, азербайджанские канадцы регулярно проводят пикеты и акции протеста против армянских провокаций [28].

Азербайджанцы в других странах

В Казахстане проживает около 90 тыс. азербайджанцев (0,5% от всего населения), преимущественно в южных областях страны (треть – в Туркестанской области), а также в крупных городах, таких как Алма-Ата, Астана и Актау. Азербайджанцы добровольно переселялись сюда в начале XX в., но позже их также депортировали сюда из Грузии и Армении; в 1950–1980 годы они приезжали работать на нефтяных предприятиях. Азербайджанская диаспора является одной из самых быстрорастущих в стране. Большая часть исповедует шиизм, однако есть небольшое число суннитов и христиан [29].

Что касается диаспорских организаций, с 1992 г. в Алма-Ате действует Азербайджанский культурный центр (АКЦ) «Туран», деятельность которого направлена на развитие межнациональных отношений в Казахстане и продвижение азербайджанцев в общественной и культурной жизни страны. Вскоре АКЦ были открыты во многих областях. В 2000 г. АКЦ «Туран» был преобразован в конгресс «Туран», который в 2007 г. стал выпускать газету «Ватан».

Азербайджанцы являются десятым по численности народом **в Киргизии** (17,2 тыс. в 2009 г.) и составляют 0,3% от всего населения страны [30]. В отличие от азербайджанской диаспоры в Казахстане, практически вся диаспора в Киргизии состоит из потомков азербайджанцев, депортированных из Закавказья в 1940-е годы. Большинство азербайджанцев проживет в сельской местности, в основном в Чуйской области (10 тыс.), хотя процент горожан постепенно воз-

растает. Диаспора увеличивается в основном за счет естественного прироста [31]. В 1992 г. была создана организация «Азяри», которая занимается защитой прав азербайджанцев в Киргизии, участием в общественной жизни страны и поддержанием связей с исторической Родиной. В киргизской национальной телерадиокомпании есть отдел «Азяри» [7].

На сегодняшний день свыше 40 тыс. азербайджанцев проживает **в Узбекистане**. Первые азербайджанцы появились здесь еще в XVI в., затем активно переселялись сюда в начале XX в.; также часть азербайджанцев была депортирована сюда в 1940-х годах во времена сталинских репрессий. Кроме того, азербайджанцы помогали восстанавливать разрушенный землетрясением Ташкент в 1960-е годы. Диаспора в Узбекистане очень сплоченная, в стране действуют семь азербайджанских культурно-национальных центров [32]. С 2003 г. функционирует «Ассоциация культурных центров Азербайджана», в Ташкенте имеется культурный центр «Гардашлыг» и «Азербайджанский дом», при котором есть музей имени Гейдара Алиева [7].

Количество азербайджанцев **в Туркменистане** составляет около 54 тыс. человек [33]. Они преимущественно живут в Туркменбаши, Балканабаде и Ашхабаде, где есть целые азербайджанские районы. С распадом СССР азербайджано-туркменские отношения обострились, что вместе с тяжелым экономическим положением привело к массовому оттоку азербайджанцев из страны. Также этому способствовала политика туркменизации, из-за которой многие азербайджанцы и представители других этнических меньшинств лишились работы. Стоит также отдельно упомянуть покушение на президента Туркменистана в ноябре 2002 г., в котором обвинили азербайджанских граждан, что привело к массовой депортации азербайджанцев из страны [34]. Со временем отношения между двумя странами наладились [35], в Туркмении проводятся азербайджанские культурные мероприятия [36].

После начала карабахского конфликта почти все азербайджанцы (85 тыс. по состоянию на 1989 г.) покинули территорию **Армении**. По данным 2001 г. в стране были зарегистрированы лишь 29 азербайджанцев [37], сейчас их количество может достигать нескольких сотен [38]. Они проживают в основном в сельской местности в смешанных семьях; большинство сменили имена, чтобы избежать дискриминации [39].

Одна из наиболее крупных азербайджанских диаспор находится **на Украине**. По данным переписи в 2001 г., в стране было

зарегистрировано 42,2 тыс. азербайджанцев, по другим оценкам их количество может достигать 280 тыс. [8] Они расселены по разным областям, с концентрацией в крупных городах. С 1999 г. функционирует «Конгресс азербайджанцев Украины», которая занимается защитой азербайджанцев в стране и сохранением национально-культурных традиций. Отделения Конгресса имеются во многих областях; в Киеве издается газета «Голос Азербайджана» [7].

Азербайджанская диаспора в Китае составляет 30 тыс. человек. Близкие торгово-экономические отношения между Китаем и Азербайджаном, а также важная роль последнего в инициативе «Один пояс – один путь» способствуют росту азербайджанской диаспоры. Отдельно стоит отметить высокий взаимный интерес между двумя странами [40], причем не только экономический, но и культурный. Кроме того, миграции способствуют программы по обмену студентами.

В Израиле проживают около 80 тыс. азербайджанских евреев. Большая часть эмигрировала сюда из Азербайджана и Дагестана в 1990-е годы [41]. Дружеские и экономические связи (особенно в нефтяной сфере) между Азербайджаном и Израилем позитивно влияют на динамику репатриации в Израиль. В Тель-Авиве и пригороде Хайфы есть крупные азербайджанские общины, действуют международная ассоциация «Азербайджан–Израиль» («АзИз») [42] и «Азербайджанский дом», который организует национальные мероприятия и акции протеста против армянской агрессии [43].

Заключение

В заключение необходимо еще раз отметить, что в Азербайджане проживает лишь пятая часть азербайджанцев. Вне Азербайджана проживает около 40 млн этнических азербайджанцев. Самой крупной является диаспора в Иране, достигающая 30–32 млн. Тем не менее статистические данные как по Ирану, так и по большинству других стран сильно разнятся, поэтому точно оценить количество азербайджанцев, расселенных по разным странам мира, не представляется возможным.

По всему миру функционирует большое количество диаспорских организаций регионального и международного уровня, некоторые из которых имеют большое влияние в тех странах, где они находятся. Организации занимаются финансовой, юридической и социальной помощью мигрантам; сохранением национальной культуры, традиций и общности в чужой стране; продвижением

азербайджанской культуры и интересов Азербайджана за рубежом; усилением позиций представителей диаспоры в государственных структурах; организацией национальных праздников, мероприятий, фестивалей и т.д. Многие азербайджанские культурные центры, ассоциации и общественные организации в разных городах и даже странах объединены в союзы, федерации или комитеты для более эффективного управления. В разных странах проводятся съезды и конгрессы диаспорских организаций, на которых происходит обмен опытом между делегатами и обсуждаются проблемы азербайджанцев по всему миру.

Таким образом, азербайджанцы не утрачивают связей со своей исторической Родиной независимо от места проживания, оставаясь сплоченной общиной даже за рубежом.

Источники

1. Ethnic composition of Georgia 2014 // URL: <http://pop-stat.mashke.org/georgia-ethnic-loc2014.htm> (дата обращения: 22.03.2024).
2. Ethnic Groups by Major Administrative-Territorial Units // URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/92/Georgia_Census_2002-_Ethnic_group_by_major_administrative-territorial_units.pdf (дата обращения: 22.03.2024).
3. Волкова Н.Г. Азербайджанцы Грузии (По материалам полевых исследований 1973–1976 гг.) // Полевые исследования Института этнографии, 1976. – М.: Наука, 1978. – С. 109.
4. Армянское и азербайджанское меньшинства Грузии // URL: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/caucasus/georgia/georgia-s-armenian-and-azeri-minorities> (дата обращения: 22.03.2024).
5. Конгресс азербайджанцев Грузии планирует создать чрезвычайный съезд // URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/society/1767397.html> (дата обращения: 22.03.2024).
6. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – Высш. школа, 1969. – С. 266.
7. Diaspora organizations in abroad // URL: https://www.azerbaijans.com/content_495_en.html (дата обращения: 18.03.2024).
8. Где проживают 50 млн азербайджанцев // URL: <https://az.sputniknews.ru/20151230/403219542.html> (дата обращения: 13.03.2024).
9. Number of Azerbaijanis living in Germany announced // URL: <https://multikultural.az/en/azerbaycanciliq/358/number-of-azerbaijanis-living-in-germany-announced/> (дата обращения: 08.03.2024).
10. Gələn ilin sonuna qədər dünyada yaşayan azərbaycanlıların sayı və məskunlaşma coğrafiyasına dair xəritə hazırlanacaq // URL: <https://az.trend.az/azerbaijan/society/1034370.html> (дата обращения: 08.03.2024).
11. The activities of Diaspora // URL: https://www.azerbaijans.com/content_494_en.html (дата обращения: 18.03.2024).
12. Эмин Милли покидает Meydan.Tv. // URL: <https://turan.az/ru/politika/emin-millipokidaet-meydantv> (дата обращения: 08.03.2024).

13. Во Франкфурте прошла встреча с главами азербайджанских диаспорских организаций Германии // URL: <https://fnkaa.ru/во-франкфурте-прошла-встреча-с-главам/> (дата обращения: 17.03.2024).
14. Азербайджанцы во Франции 1920 годы // URL: <https://great.az/azerbaycan/10578-azerbajdzhancy-vo-francii-1920-gody.html> (дата обращения: 11/03.2024).
15. Эмманюэль Макрон наградил азербайджанскую пианистку орденом Почетного легиона // URL: <https://1news.az/news/20220714055211746-Emmanuyel-Makron-nagradil-azerbajdzhanskuyu-pianistku-ordenom-Pochnetnogo-legiona> (дата обращения: 17.03.2024).
16. Condé Nast launches new magazine about Azerbaijan // URL: https://azertag.az/en/xeber/conde_nast_launches_new_magazine_about_azerbaijan-284630 (дата обращения: 17.03.2024).
17. First VP Mehriban Aliyeva presents Sami Yusuf honorary diploma // URL: <https://www.azernews.az/culture/156735.html> (дата обращения: 18.03.2024).
18. Азербайджанки Джессика и Дженнифер – будущие суперзвезды и главные надежды Великобритании // URL: <https://haqqin.az/news/207909> (дата обращения: 18.03.2024).
19. Дипломат на связи: Посол Элин Сулейманов о выдающихся азербайджанцах Британии и США и роли диаспоры // URL: <https://1news.az/news/20221114010919297-Diplomat-na-svyazi-Posol-Elin-Suleimanov-o-vydayushchikhsya-azerbajdzhantsakh-Britanii-i-SSHA-i-rol-i-diaspory> (дата обращения: 18.03.2024).
20. Представители азербайджанской диаспоры в Великобритании провели пикет в Лондоне // URL: <https://vestikavkaza.ru/news/predstaviteli-azerbajdzanskoj-diaspory-v-velikobritanii-proveli-piket-v-londone.html> (дата обращения: 18.03.2024).
21. В Лондоне прошла мирная акция азербайджанцев в связи с последними провокациями Армении // URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3276407.html> (дата обращения: 18.03.2024).
22. U.S. Azerbaijanis Network // URL: <https://usazeris.org/who-we-are/> (дата обращения: 24.03.2024).
23. GünAz.TV // URL: <https://gunaz.tv/en/static/about> (дата обращения: 24.03.2024).
24. Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations for 2003: Hearings Before a Subcommittee of the Committee on Appropriations, House of Representatives, One Hundred Seventh Congress, Second Session, Part 4. – U.S. Government Printing Office, 2002. – PP. 474, 477.
25. Census Profile, 2021 Census of Population // URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/dp-pd/prof/details/page.cfm?LANG=E&GENDERlist=1&STATISTIClist=1,4&DGUIDlist=2021A000011124&HEADERlist=31&SearchText=Canada> (дата обращения: 20.03.2024).
26. Azerbaijani diaspora in Canada should do much to resist Armenians // URL: <https://web.archive.org/web/20131002100648/http://www.news.az/articles/18085> (дата обращения: 20.03.2024).
27. Network of Azerbaijani Canadians // URL: <https://azcanet.ca/#/we-are-nac> (дата обращения: 20.03.2024).
28. Azerbaijani community holds picket in Canada against Armenia's recent provocations // URL: <https://news.az/news/azerbaijani-community-holds-picket-incanada-against-armenias-recent-provocations> (дата обращения: 20.03.2024).

29. Азербайджанская диаспора Казахстана // URL: https://web.archive.org/web/20150402182836/http://www.ia-centr.ru/archive/public_details8e00.html?id=1094 (дата обращения: 23.03.2024).
30. Численность постоянного населения по национальностям // URL: <https://www.stat.kg/media/files/9cd9d7ee-78f0-413e-885d-80f914049ebf.pdf> (дата обращения: 23.03.2024).
31. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии // URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0197/analit04.php> (дата обращения: 23.03.2024).
32. В солнечном Узбекистане – 20 лет спустя: азербайджанцы из XVI века, изюминки Ташкента, первое посольство // URL: <https://www.trend.az/life/travel/1869124.html> (дата обращения: 23.03.2024).
33. Azeri in Turkmenistan // URL: https://joshuaproject.net/people_groups/10528/TX (дата обращения: 23.03.2024).
34. Р. Назаров: Национальные диаспоры в Туркменистане. Часть 3. Азербайджанцы // URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1201781640> (дата обращения: 23.03.2024).
35. Туркменистан и Азербайджан приветствуют успешное развитие стратегических связей // URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/10/31/turkmenistan-i-azerbaydzhan-privetstvuyut-uspeshnoye-razvitiye-strategicheskikh-svyazey/> (дата обращения: 23.03.2024).
36. Азербайджанская культура в Туркменистане: кулинарные и музыкальные изыски // URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/12/31/azerbaydzhanskaya-kultura-v-turkmenistane-kulinarnyye-i-muzykalnyye-izyski/> (дата обращения: 23.03.2024).
37. Ազրայիլի փոքրամասնություններ. ազգային խնամվար // URL: <https://archive.168.am/articles/10810> (дата обращения: 23.03.2024).
38. Second Report Submitted by Armenia Pursuant to Article 25, Paragraph 1 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities // URL: https://www.ecoi.net/en/file/local/1052022/432_1163080631_pdf-2nd-sr-armenia.pdf (дата обращения: 23.03.2024).
39. Country Reports on Human Rights Practices – 2003: Armenia // URL: <https://2001-2009.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2003/27823.htm> (дата обращения: 23.03.2024).
40. Азербайджан-Китай: чем обусловлен взаимный интерес // URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/azerbajdzan-kitaj-cem-obuslovlen-vzaimnyj-interes.html> (дата обращения: 25.03.2024).
41. Векторы современной политики Азербайджана на Ближнем и Дальнем Востоке // URL: <https://idmedina.ru/books/islamic/?1277> (дата обращения: 23.03.2024).
42. Азербайджанская диаспора в Израиле обратилась к международным организациям // URL: <https://caliber.az/post/140908/> (дата обращения: 24.03.2024).
43. В Израиле прошел марш и митинг в поддержку Азербайджана и азербайджанского солдата // URL: <https://vzglyad.az/news/171374/В-Израиле-прошел-марш-и-митинг-в-поддержку-Азербайджана-и-азербайджанского-солдата-ФОТО.html> (дата обращения: 24.03.2024).

Статья поступила в редакцию 13.09.2024.

Принята к публикации 12.10.2024.

Atamali K.E.

Azerbaijanis outside Azerbaijan (Part 2)

Ksenia E. Atamali,

Research Associate,

Center for Interdisciplinary Research,

INION RAN

e-mail: mrsxeniya@ya.ru

***Abstract.** The article examines the life of Azerbaijanis outside Azerbaijan, the activity of Azerbaijani diasporas around the world, the activities of diaspora organizations, the history of migration and territorial distribution. Of the 50 million Azerbaijanis around the world, only one fifth of them lives in Azerbaijan itself. The article pays special attention to the Azerbaijani diasporas in Europe (especially those in Germany, Great Britain and France), the US, Canada, the CIS countries and Georgia. Information on numerous Azerbaijani organizations, communities and cultural centers operating abroad is also provided.*

***Keywords:** Azerbaijan; diaspora, diaspora organizations, migration; Azerbaijani diaspora; Azerbaijanis in the CIS countries; Azerbaijanis in the USA; Azerbaijanis in Great Britain; Azerbaijanis in France; Azerbaijanis in Germany; Azerbaijanis in Europe; Azerbaijanis in Canada; Azerbaijanis in Georgia.*

Ахмедов В.М.*

ПОЛИТИКА ИРАНА В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ: РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

DOI:10.31249/rimm/2024.03.03

Для цитирования: Ахмедов В.М. Политика Ирана в сирийском конфликте: религиозное измерение // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2024. № 3 (333). DOI: 10.31249/rimm/2024.03.03

Аннотация. С начала 2000-х годов Исламская Республика Иран (ИРИ) проводит активную политику в регионе. Кризис в САР бросил вызов иранским позициям на Ближнем Востоке. Группа факторов определяла политику Ирана в Сирии и других государствах Ближнего Востока. Соображения религиозного характера, обусловленные арабо-иранским историческим наследием, наличие близких ИРИ в конфессиональном и этническом отношениях групп населения, способность Тегерана менять в свою пользу региональный баланс сил оказали влияние на отношение ИРИ к сирийскому конфликту. В то же время политика Ирана в Сирии сказалась на отношениях Ирана с ключевыми региональными и мировыми игроками на Ближнем Востоке. Данный факт определил актуальность данной статьи, в которой исследуются выдвинутые выше положения.

Ключевые слова: Иран; сирийский кризис; Ближний Восток; шииты; алавиты.

Арабо-иранское историческое наследие формировало особый подход Ирана к сирийскому конфликту. В религиозно-

* Ахмедов Владимир Муртузович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, e-mail: shamyarabist@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-4952-296

идеологическом плане консервативное иранское духовенство рассматривало участие ИРИ в сирийских событиях как продолжение векового соперничества между шиитами и суннитами. Давние связи Ирана с алавитским режимом также определяли отношение Тегерана к событиям в Сирии (САР).

В условиях кризиса сирийский социум пребывал в тяжелом положении. Образованный класс пытался обрести идейную основу для новой самоидентификации. Иран опирался на доверенных сирийских клириков, крупных строительных подрядчиков, серьезных дельцов в сфере торговли недвижимостью в распространении шиитского вероучения среди жителей столичных центров САР. Тегеран стремился мобилизовать широкие народные массы в свою поддержку, прежде всего молодежь с низким уровнем образования. Иран использовал проверенные и наиболее доходчивые средства и методы.

Важным направлением иранской дипломатии в САР было распространение шиитского вероучения и обращение в шиизм сирийского населения. Тегеран провел реконструкцию шиитских святынь на территории Сирии, в частности, в самом Дамаске, расширил географию религиозного паломничества, создал сеть культурно-образовательных центров.

Сирийский режим на законодательном уровне поддержал культурно-религиозную экспансию ИРИ в САР. Это позволило представителям шиитского духовенства занять высокие должности после получения ими сирийского гражданства. В конце 2021 г. в Сирии был принят Закон № 28 об укреплении роли Высшего исламского совета (ВИС). ВИС практически ограничил права суннитского духовенства на религиозную работу с населением и управление вакфами [1]. В новом законе было прописано, что сунниты больше не являются религиозным большинством в САР и ставятся в один ряд с другими мусульманскими конфессиями. После принятия указанного закона любые законодательные действия в религиозной сфере стали осуществляться в соответствии с положениями шиитской доктрины. Прежде всего, это затронуло систему управления вакфной¹ собственностью и работу с личными сбережениями мусульман.

Одновременно сирийский режим формировал легальную основу изменения демографии сирийского общества. В 2018 г. был принят Закон № 10, который дал право командирам проиранских

¹ Вакфная собственность – имущество, переданное государством или частным лицом на религиозные или благотворительные цели.

милиций отчуждать в свою собственность любые объекты недвижимости, в случае если их владелец не мог подтвердить свои права владения. Речь идет о пустующих помещениях, так как за время конфликта из страны выехало более 6 млн сирийцев, а документы и архивы были уничтожены или пропали. Особое внимание Тегеран уделял увеличению численности шиитского населения в Дамаске и его пригородах. В результате тяжелых сражений в пригородах Дамаска и Алеппо, суннитская оппозиция потерпела поражение, и ее личный состав вместе с семьями вынужден был выехать в Идлиб. Вскоре за ними последовали мирные жители расположенных на границе с Ливаном сирийских городов, которые оказались под контролем Хезболлы. В результате десятки тысяч шиитских бойцов с семьями стали собственниками объектов недвижимости в столичных районах Сирии [2].

Наряду с Дамаском Тегеран проявил повышенный интерес к суннитскому оплоту в Алеппо. В 2014 г. шиитские милиции из Ирака, Афганистана и Пакистана во главе с КСИР начали операцию по захвату Алеппо. В 2016 г. восточные районы Алеппо были освобождены от повстанцев. Сотни тысяч суннитов выехали из разрушенных районов. Связанные с шиитскими милициями агентства недвижимости скупали объекты недвижимости под предлогом их реконструкции. Восстановленные кварталы заселили десятками тысяч шиитских семей из Ирака, Афганистана, Пакистана [3].

В период кризиса в городе Хомс и его пригородах шли длительные и ожесточенные сражения. Тысячи жителей были переселены или бежали. Многие мечети Хомса были превращены в центры пропаганды шиизма, значительная часть недвижимости была конфискована.

В духовной экспансии Ирана в Сирии большое внимание уделялось вопросам святых мест. Еще в 1999 г. Тегеран начал программу реконструкции шиитских святынь в Сирии [4]. В Дамаске и пригородах находились три шиитских святыни, которые были названы в честь дочерей и внуков Али бен Абу Талиба: «Сейида Зейнаб», «Сейида Сакина» и «Сейида Рукья». Мечеть «Сейида Зейнаб» располагается в 10 км от центра Дамаска. Этот район был населен преимущественно иракскими шиитами, которые спасались в Сирии от преследований режима С. Хусейна. В 2020 г. квартал был переименован в город Сейида Зейнаб, где был начат строительный проект «Пригороды Зейнаб». Расположенная в старом Дамаске рядом с мечетью Омейядов могила Сейиды Рукья претерпела серию реконструкций и сегодня занимает

площадь в 4 тыс. м². В 2011 г. президент издал закон, согласно которому комплекс Сейида Рукъя в Дамаске признавался учебным заведением по изучению шиизма. Сегодня он известен как Университет исламских исследований Биляд аш-Шам. В 2014 г. был издан указ о преподавании шиитского вероучения в специализированных сирийских школах, которые открылись в том же году в различных городах страны.

В городе аль-Маядин была сооружена мечеть Али бин Абу Талиба (Айн Али) на месте, где по преданию, конь Али выбил копытом из земли источник воды. На регулярной основе стало осуществляться паломничество в шиитскую мечеть аль-Нукта в Забдийя. Согласно шиитским поверьям один из камней мечети имеет полость в форме капли, где содержится кровь Хусейна бин Али (внук Пророка), который был убит в битве при Кербеле (680 г. н. э.).

В конце 2021 г. КСИР и шиитские милиции установили свои религиозные порядки в ряде районов провинции Дейр аль-Зор. Они арестовали настоятелей и муэдзинов местных мечетей, которые отказались изменить формулу азана (призыв на молитву) в соответствии с нормами шиизма. На их место поставили новых служителей культа. Одновременно были изменены названия некоторых мечетей в районах на западном берегу Евфрата. Прежде всего, эти нововведения коснулись г. Махкан, где дислоцировались бригады «аль-Аббасиюн» и «аль-Зейнобиюн». Так, мечеть Фарук Омар стала именоваться Великой мечетью Махкан [5]. После частичной реставрации мечети утратили прежний архитектурный облик, превратившись хусайнии¹.

В конце 2021 г. Иран официально возобновил религиозный туризм в САР [6]. До событий марта 2011 г. Сирию ежегодно посещало более 500 паломников из Ирана и Ирака. За годы вооруженного конфликта в САР Иран построил несколько десятков новых мечетей в ключевых центрах страны (Дамаске, Халебе, Хомсе, Дейр аль-Зоре, Дерья), восстановил и реставрировал шиитские святыни в Дамаске и Халебе. В итоге Иран расширил географию паломничества в Сирии и увеличил число паломников. Распространение шиитского вероучения и обращение в шиизм местного

¹ Особый архитектурный стиль строительства молитвенных домов, который стал практиковаться в Иране с XV в. в период расцвета династии Сефевидов. Сефевиды утвердили шиитское направление ислама в Иране. Название «аль-хусайнийя» связано с именем имама Хусейна (внука Пророка) павшего в боях с Омеядами при Кербеле (Ирак).

населения занимали в этот период центральное место в политике Ирана в САР. Эта деятельность была ориентирована, прежде всего, на средние и беднейшие слои сирийского населения в стратегически важных для ИРИ районах Сирии. В 2000 г. А.С. Мусави, один из видных иранских клерикалов, основал под Алеппо Шиитский культурный центр. До начала событий в САР иранские миссионеры вели активную проповедническую деятельность среди сирийских племен на востоке страны. Они смогли обратить в шиизм племя Баггара, одно из влиятельных сирийских племен Дейр-эз-Зора. В последующем это дало возможность ИРИ распространить свое влияние в этом районе. Тегеран использовал вождей племен для обращения в шиизм жителей ряда деревень. В ходе конфликта многие племенные вожди тесно сотрудничали с КСИР и шиитскими милициями. В поддержку Ирана выступило племя аль-Машхад, которое ведет свою родословную от иранского города Мешхед. В городе аль-Маядин дислоцировались подразделения корпуса аль-Кодс, куда вступили сотни местных жителей. Были созданы отряды «Имама аль-Махди», где проходили стрелковую подготовку тысячи молодых людей [7].

В сравнении с другими районами САР в провинциях Ракъа и Хасака иранские позиции были не так сильны. Несмотря на то что еще до кризиса Тегеран привлек на свою сторону племя аль-Хамад в Ракъа, Иран испытывал затруднения в распространении шиизма в этом районе [8]. Во многом это было связано с присутствием курдских отрядов, а также соперничеством между США и Турцией за влияние в этом нефтеносном районе. Местное курдское население отклонило предложения Ирана восстановить построенную в 1980 г. большую шиитскую мечеть на окраинах Ракъа, которая была разрушена ИГИЛ (запрещено в РФ) в 2014 г. Слабое присутствие шиитских милиций в юго-восточных районах Хасака вынуждало Иран действовать через сеть культурных центров, пытаясь обратить в шиизм местное население [9]. Тегеран смог обратить в шиизм несколько сот жителей г. Мисьяф и завербовать их в шиитские милиции. В отличие от деловых кварталов Дамаска (аль-Хамидийя, например), где празднование «ашуры»¹ стало обычным делом еще до кризиса, религиозная ситуация на юге Сирии была иной. С 2018 г. после победы над оппозицией в Деръа начался процесс «шиитиза-

¹ Ашура – комплекс обрядовых действий, совершаемых как суннитами, так и шиитами в первой декаде месяца Мухаррам. Поводом для их совершения служат разные исторические события.

ции» местного населения. Иранские миссионеры рассчитывали на поддержку иракских шиитов из района аль-Матар, где находилась шиитская мечеть. Шииты из района Бусра аль-Шам в пригородах Деръа вместе с Хезболлой сражались против суннитского ополчения. Город аль-Кафра был центром операций Хезболлы и оплотом иранской духовной экспансии на юге Сирии. КСИР создал здесь местные милиции «Корпус аль-Арин» и «Бригаду 313». «Бригада 313» была названа по имени 313 сторонников Имама аль-Махди¹, которые в его отсутствие защищают справедливость на земле.

В сентябре 2018 г. специальный посланник аятоллы Хаменеи в САР А.Ф. Табтабаи посетил Деръа и выделил финансовую помощь новым шиитским милициям. Была также профинансирована деятельность иранского благотворительного фонда «аль-Захра», который имел вооруженное крыло «Львы аль-Захра» и работал в различных районах Сирии.

Населенная друзами аль-Сувейда была единственной сирийской провинцией, большинству жителей которой удалось сохранить конфессиональную идентичность. Несмотря на то что друзы не выступили против режима Б. аль-Асада, их отношения с алавитами и шиитами были напряженными. Пытаясь наладить контакты с местным населением, офицеры КСИР организовали визит лидеров друзской общины в Тегеран. Представители посольства ИРИ в Дамаске и офицеры корпуса «аль-Кодс» стали чаще посещать аль-Сувейду. Тегеран запустил ряд гуманитарных и социальных программ в провинции. С учетом серьезных различий в религиозных доктринах друзов и шиитов и строгого запрета переходить в другую веру, шансы на «шиитизацию» друзов были ничтожны. Однако офицеры КСИР, пользуясь бедственным положением друзов, смогли вовлечь нескольких жителей в состав проиранских вооруженных отрядов.

Религиозная политика Ирана в САР имела глубокий политический контекст. Иран стремился продемонстрировать, что война в Сирии закончилась. Следовательно, присутствие там иностранных военных незаконно. Одновременно Тегеран укреплял легитимность шиитских милиций в Сирии. Гуманитарная дипломатия ИРИ изменила социокультурный облик современной Сирии и сделала сирийские власти еще более зависимыми от Ирана. Использование фактора конфессиональной общности сопровождалось определен-

¹ Имам аль-Махди – 12-й имам шиитов-имамитов, исчезнувший в городе Самарра в 941 г. Считается, что он вернется перед концом света.

ными рисками для политики Тегерана. Поддержка шиитских общин высвечивала Иран как не столько политического, сколь религиозного актора на поле сирийского конфликта, и подчеркивала опасность религиозного измерения сирийского кризиса. Подобный политический инструмент был эффективным, пока Тегеран мог управлять религиозными процессами в САР. В случае отказа механизма управления Иран рисковал ослабить свою политику в Леванте.

Данное утверждение нашло практическое подтверждение в ходе начавшихся в октябре 2024 г. событий в Газе и вокруг анклава. Несмотря на стремление Тегерана дистанцироваться от прямого участия в вооруженном противостоянии на Ближнем Востоке, атаки проиранских вооруженных формирований на израильские и американские цели сделали Тегеран непосредственным участником конфликта, поставив тем самым под угрозу его интересы в регионе.

Список литературы

1. *Аль-Хейр, М.М.* (2021). Объявление шейха Усамы ар-Рифа'и муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият со времен Г.А. Насера до Башара аль-Асада. – Ноябрь, 11. – URL: <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/> [на араб. яз.] (дата обращения: 17.02.2022).
2. *Inbari, P.* (2014). Demographic Upheaval: How the Syrian War Is Reshaping the Region. Jerusalem Center for Public Affairs. – June 17, 2014.
3. *Saban, N.* (2020). Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria. Atlantic Council. – 05.11.2020. – URL: <https://bit.ly/3dOvG7C> (дата обращения: 20.01.2021).
4. *Alfoneh, Ф.* (2022). Ahmadinejad Versus the Clergy. // American Enterprise Institute, Washington, D.C. – Aug. 21, 2008.
5. *Иссам, В.* (2021). Сирия: при поддержке Ирана милиции меняют названия мечети «аль-Фарук Омар» в пригороде Дейр эз-Зора. – Ноябрь, 24. – URL: <https://www.alquds.co.uk/> [на араб. яз.] (дата обращения: 21.09.2022).
6. *Нааме, А.* (2021). Иран объявляет о возобновлении «религиозного паломничества» в Сирию. Почему сейчас? – Ноябрь, 13. – URL: <https://www.arab.21.com/story/1397691/> [на араб. яз.] (дата обращения: 24.05.2022).
7. *Stein, E.* (2017). Ideological Codependency and Regional Order: Iran, Syria, and the Axis of Refusal // PS: Political Science & Politics. – Vol. 50, No. 3, July 2017.
8. *Dukhan, H., Alhamad, A.* (2021). Iran's Growing Network of Influence among Eastern Syrian Tribes // The Washington Institute for Near East Policy. Washington, D.C. – Apr. 6, 2021.
9. *Hassan, M., al-Ahmed, S.* (2022). Iran's growing presence in Syria's al-Hasakah poses a direct threat to US forces. // The Middle East Institute, Washington, D.C. – Mar. 24, 2022.

Статья поступила в редакцию 01.09.2024.

Принята к публикации 10.09.2024.

Akhmedov V.M.

**Iran's Policy in the Syrian Conflict:
The Religious Dimension**

Vladimir M. Akhmedov,

PhD (History),

Senior Research Associate,

Institute of Oriental Studies RAS,

e-mail: shamyarabist@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4952-296

***Abstract.** Since the early 2000s, the Islamic Republic of Iran (IRI) has been pursuing an active policy in the region. The Syrian crisis has challenged Iran's positions in the Middle East. A number of factors determine Iran's policy in Syria and other Middle Eastern states. Iran's stand on the Syrian conflict is influenced by religious reasons stemming from the Arab-Iranian historical heritage; the presence of groups of the population that are confessionally and ethnically close to Iran; and Tehran's ability to change the regional balance of power in its favor. At the same time, Iran's policy in Syria has affected Iran's relations with key regional and global players in the Middle East. This fact shows the relevance of this article, which examines the above-mentioned factors.*

Keywords: Iran; Syrian Crisis; Middle East; Shiites; Alawites.

Зинин Ю.Н.*

**КОНФЛИКТ В ГАЗЕ В КОНТЕКСТЕ
ИДЕЙНЫХ УСТАНОВОК ХАМАС**

DOI: 10.31249/rimm/2024.03.04

***Для цитирования:** Зинин Ю.Н. Конфликт в Газе в контексте идейных установок ХАМАС // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2024. № 3 (333). DOI: 10.31249/rimm/2024.03.04*

* Зинин Ю.Н., кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России, e-mail: zinin42@mail.ru

© Зинин Ю.Н., 2024

***Аннотация.** В статье рассматривается ход обострившегося 7 октября 2023 г. палестино-израильского конфликта в Газе через призму идеологии радикальной палестинской организации ХАМАС. Анализируются ее генезис, документы, легишие в основу деятельности с 1987 г. Реперными точками ХАМАС являются ислам, призыв к джихаду с целью «освобождения всей Палестины», т.е. непризнание Израиля.*

Статья анализирует мотивы, особенности организации и действий нынешнего руководства ХАМАС после начала конфликта.

Автор уделяет внимание оценке идейных воззрений и практики ХАМАС со стороны властей, общественности и медиа средств арабских стран. Несмотря на разницу подходов, в целом законные права Палестины повсеместно поддерживаются.

Однако реакция и отклики на события не однозначны. Это отражает влияние перебалансировки отношений и происходящих изменений в иерархии стран региона. В то же время сегодня без участия ХАМАС, выдвинувшего свою альтернативу в подходах к политическим процессам на Ближнем Востоке, трудно разблокировать арабо-израильский конфликт. Очевидно, что пока жизненная среда для существования ХАМАС остается, она будет воспроизводить взгляды и воззрения организации.

***Ключевые слова:** ХАМАС; Палестина; Израиль; Газа; «Потоп аль-Акса»; неоднозначное восприятие конфликта в мире.*

Резкое обострение конфликта между Израилем и ХАМАС (Движение исламского сопротивления) после начала последним 7 октября 2023 г. операции под названием «Потоп Аль-Акса» привело к большому числу жертв и разрушений с обеих сторон, беспрецедентных за последние три десятка лет. Эти события и их последствия подстегнули внимание научного и медиасообщества Ближнего Востока к ХАМАС, его генезису, эволюции, особенно к сфере его идеологических воззрений.

Движение выделяется своим радикализмом среди современных партий и движений, действующих в регионе под исламскими знаменами. Будучи палестинским крылом Ассоциации братьев-мусульман (АБМ), ХАМАС стал самостоятельным в 1987 г. В 2006 г. организация выдвинулась на авансцену событий, выиграв многопартийные парламентские выборы в Палестинской автономии, и с тех пор правила в Газе.

Идейно-мировоззренческие основы и этапы движения

Основополагающий документ ХАМАС – Хартия, принятая в 1988 г., констатировал, что ислам является платформой и ядром движения. Идеология ХАМАС осенена высшим религиозным смыслом. Его ключевой тезис – святость Палестины и проповедь джихада. Хартия ХАМАС утверждает, что землю Палестины категорически запрещено отчуждать. Иного пути кроме джихада нет, любые переговоры с врагом исключены и являются предательством или капитулянтством.

Долгосрочной целью движения провозглашается создание исламского государства на всей территории исторической Палестины: от реки Иордан до берега Средиземного моря, что фактически означает непризнание и устранение Израиля.

Идеологи движения проводят тезис о том, что ислам способен сделать внутреннюю жизнь человека духовно самодостаточной в противовес нигилизму, индивидуализму западного типа и т.д.

При этом ХАМАС не отрицает национализм, считая его частью своей догматики. Его апологеты позиционируют себя защитниками национальной идентичности, часто перехватывают популярные тезисы у других отрядов палестинских национально-патриотических сил.

Основные постулаты движения, заложенные при его основании в Хартии, за последующие годы не подвергались каким-либо коренным официальным изменениям или ревизии.

Но в апреле 2017 г. был принят новый Документ об общих принципах и политике ХАМАС. Этому способствовали изменения, произошедшие в регионе, в частности на палестинском треке, и события, связанные с так называемой «арабской весной». Успехи ряда исламских партий на выборах в Тунисе, Египте и Марокко продемонстрировали тенденции укрепления политического ислама в регионе.

Крайними и опасными проявлениями этого стали образование в апреле 2013 г. и дальнейшая активность организации «Исламское государство Ирака и Леванта», поставившей целью создание исламского эмирата на территории ряда арабских стран. Но влияние политического ислама затем было поколеблено вслед за отстранением «Братьев-мусульман» от власти в Египте, поражением ИГИЛ¹, эксцессами исламистов в Сирии, Ливии и т.д.

¹ ИГИЛ – запрещено в РФ.

В этих условиях авторы нового документа, сохраняя верность ряду принципов Хартии 1987 г., продемонстрировали более реалистичные и прагматичные подходы к вопросам теории и практики, хотя формулировки некоторых из них двусмысленны.

Прежде всего, это касается определения арабо-израильского конфликта. Формулу «религиозный конфликт между мусульманами и евреями», как указывалось ранее, поменяли на «политический», что считается важным сдвигом.

В документе ХАМАС практически дистанцировалось от «Братьев-мусульман», не упоминая их, но в то же время не заявляя прямо о своем отказе от сотрудничества с ними.

Указывалось, что создание суверенного палестинского государства со столицей в Иерусалиме в границах 1967 г. является формулой общего национального консенсуса. Тем не менее подчеркивалось, что это не означает признания «сионистского образования». Не изменились подходы ХАМАС к «процессу Осло» о создании Палестинской автономии, который Движение изначально отвергло.

Документ был лишен ссылок на коранические аяты и хадисы, которые наполняли прежнюю хартию. В нем ХАМАС предпринял попытку вывести евреев, как людей «небесной религии», из круга враждебности и преследований, в пользу подчеркивания враждебности к сионистскому движению и израильской оккупации. Цель авторов новой хартии – снять поводы для тех, кто попытается обвинить движение в антисемитизме.

ХАМАС ведет борьбу не против евреев, а против «агрессора, оккупанта-сиониста»

Идеологи ХАМАС опираются не только на традиционные заповеди ислама, понятные массам, они используют лозунги, заимствованные у «левых». Фактически под исламской оболочкой скрываются взятые на вооружение многие современные идеи, принципы и практика политических действий. Благодаря этому руководство ХАМАС сумело действовать весьма гибко для достижения своих промежуточных целей или ради выигрыша в повседневной политической борьбе.

Эта тактика и ее идеологическое оформление прослеживаются на протяжении всей деятельности ХАМАС, которую можно разделить на три основных этапа.

Первый этап – от основания движения и первой интифады (1987) до претворения в жизнь соглашений Осло. Следующий – от второй интифады (2000–2005) до прихода ХАМАС к власти в Газе, третий – от начала единоличного правления движения в Газе и по сей день.

На протяжении первого периода интифады ХАМАС демонстрировал свой радикализм. Он выступил против конференции в Мадриде, отверг подписанную в 1993 г. ООП и Израилем Декларацию о принципах урегулирования, известную как «Осло-1», и Соглашение о палестинском самоуправлении на Западном берегу реки Иордан, или «Осло-2» (1995), назвав их капитулянтством. Тогда ХАМАС не стал открыто противостоять ООП и ФАТХ, ибо большая часть палестинцев на территориях одобрила курс на автономию. Второй отрезок деятельности ХАМАС приходится на свертывание процесса Осло, включает срыв переговоров между Израилем и Я. Арафатом в 2000 г. и начало второй интифады (Интифады Аль-Аксы). В ходе ее хамасовцы были в авангарде вооруженных вылазок против Израиля, что интерпретируется верхами движения как «право на сопротивление оккупации». В то же время в результате израильских ответных репрессалий ХАМАС лишился многих боевиков, а также ряда своих руководителей¹.

Вывод в августе 2005 г. Израилем из Газы всех еврейских поселений, а также военных структур поднял авторитет сторонников жесткой линии движения. В тот период движению удалось достичь определенного паритета с ООП и ФАТХ с точки зрения поддержки со стороны населения территорий. Линия ХАМАС на критику коррупции в эшелонах власти и в структурах ФАТХ подняла его популярность в широких слоях. Все эти факторы сыграли на руку организации и предопределили ее победу на парламентских выборах в Палестинской автономии в 2006 г. В противовес ФАТХ население сектора отдало предпочтение ХАМАС в накаленной атмосфере, в которой примирительные настроения по отношению к Израилю ассоциировались с коллаборационизмом.

¹ В июле 2002 г. был убит один из основателей движения и лидер военного крыла Салах Шахада, в 2004 г. – духовный отец и основатель организации Ахмед Ясин, а затем сменивший его Абдель Рантиси. После гибели А. Рантиси было принято решение о создании коллективного руководства движением в Газе. Фактическим лидером ХАМАС стал находившийся за границей Х. Машаль.

Работа с населением, особенности управления и руководства ХАМАС

С первых лет своей деятельности ХАМАС опирался на доставшуюся ему от Ассоциации «Братья-мусульмане» организационную структуру и укоренившееся влияние среди населения. Он апеллировал к своей базе – униженным годами оккупации низам общества, где был велик процент беженцев. Так, в секторе Газа они составляют более 67% населения, а на Западном берегу – 31%.

Один из главных аргументов ХАМАС – упор на реализацию традиционных принципов социальной справедливости, сплоченности и взаимной поддержки мусульман. У него налажена сеть благотворительных ассоциаций и комитетов по сбору благотворительной милостыни (*лиджан закят*). Сбору пожертвований, как одному из пяти главных столпов ислама, уделяется большое внимание.

Движение использует для этого не только религиозные учреждения, но и структуру образовательных, культурно-просветительных, спортивных, социальных и прочих организаций, клубов, кружков, кампании солидарности по оказанию помощи малообеспеченным слоям населения.

По имеющимся данным, от 75 до 80% бюджета ХАМАС идет на цели социально-общественного характера: ряд западных исследователей, даже те, кто причисляет ХАМАС к «террористическим организациям», считает, что организация несет черты «преимущественно социального института». В этом отношении ХАМАС перехватил инициативу у других палестинских организаций, в частности ФАТХ.

Политика ХАМАС, поддерживающая людей, прошедших школу страданий в условиях оккупации, во многом помогает им выжить и выстоять. Благодаря этой практике различные слои населения склонны воспринимать и впитывать радикальные лозунги движения. Эта база – главный бастион и источник пополнения кадров-активистов, участвующих в демонстрациях и уличных выступлениях. Рано или поздно многие из них находят дорогу в военное крыло ХАМАС – «Бригады Аль-Кассам».

Военное крыло ХАМАС, «Бригады Аль-Кассам», хорошо организованная и дисциплинированная структура, разделенная на небольшие автономные ячейки». Скрытность, маневренность, высокая степень конспирации позволяют им выживать и быстро восстанавливаться в случае провалов или нанесения ударов противником.

По данным члена политбюро Гази Хамада, у ХАМАС 35 тыс. хорошо вооруженных боевиков [1]. За последние десятилетия к руководству и на уровень различных звеньев ХАМАС все больше приходят люди, получившие современное образование, в том числе за границей, дипломированные инженеры, преподаватели, врачи и т.п., имеющие широкий кругозор.

Его адепты активно используют технологические новинки в сфере сетевых мультимедиа. Поток джихадистских идей льется из множества сайтов, местных телеканалов клерикальной направленности, находящихся под влиянием хамасовцев. Это опровергает расхожее мнение, что хамасовцы – это серая масса с мировоззрением, зашоренным лишь текстами Корана.

По общему мнению исследователей, общественная, идеологическая и военная деятельность членов ХАМАС взаимно и тесно переплетаются. Благодаря системе религиозного воспитания, культивирующего жертвенность, вкупе с материальным стимулированием и поддержкой семей погибших шахидов, ХАМАС поддерживает высокий дух мобилизованности в палестинском обществе, наладил приток добровольцев для проведения боевых акций, вплоть до готовности к самопожертвованию.

Он также отработал глубоко законспирированный стиль управления закрытыми структурами, наладил систему связей единомышленников и разветвленной сети подполья. Это было ответом Движения для самосохранения и защиты от постоянных преследований и репрессий, которым оно подвергалось со стороны израильских властей. Последние делали ставку на нейтрализацию или физическое устранение верхушки и других членов и боевиков ХАМАС.

Помимо этого движение находилось под давлениями и контролем со стороны палестинской национальной администрации. По приказу Я. Арафата силы безопасности ПНА проводили аресты среди активистов ХАМАС, когда их действия выходили за рамки дозволенного палестинскими властями [2].

С момента своего возникновения ХАМАС поддерживал тесные связи с родственными группировками «Братьев-мусульман» в Египте, Иордании, пользовался поддержкой исламистских групп и симпатизирующих ему деятелей в государствах Персидского залива, других арабских странах, благотворительных фондов, а также исламских общин в Европе и в США.

Финансы и другая помощь приходят также и из Ирана. Ливанский исследователь сообщает, что Тегеран является крупнейшим донором ХАМАС [3].

Что касается пирамиды управления ХАМАС, то, по имеющимся данным, его руководящий орган – Совет Шуры состоит из видных политико-религиозных фигур. Совет редко собирается, однако до принятия решения по всем главным вопросам они предварительно обсуждаются в рамках Шуры. Имена членов Совета держатся в секрете, однако известно, что некоторые из них проживают за пределами Палестины.

Политбюро ХАМАС сочетает функции Министерства иностранных дел и информации и обеспечивает связь Газы с военными ячейками Западного берега реки Иордан. Оно базируется в соседних странах. С 1996 по 2017 г. его возглавлял Халед Машаль, затем Исмаил Хания.

Представляется важным осветить роль и деятельность ряда членов когорты высшего руководства ХАМАС. Данные о них приводят некоторые арабские источники.

Лидером ХАМАС в Газе считается Яхья Аль-Синвар. Ему 61 год и он родился в 1962 г. в лагере палестинских беженцев Хан-Юнис на юге Газы, окончил Исламский университет в Газе со степенью бакалавра арабского языка, вступил в движение, когда оно было частью Ассоциации «Братьев-мусульман», т.е. до 1987 г.

Первый раз Аль-Синвар был арестован израильскими властями в 1982 г. Через три года он возглавил так называемую Службу безопасности и проповеди (Аль-Маджд), которая стала аналогом аппарата внутренней безопасности организации. В 1985 г. он был отправлен израильскими властями за решетку за участие в создании СБ.

Затем был арестован вторично по обвинению в убийстве четырех палестинцев, которые сотрудничали с израильской разведкой [4]. Аль-Синвар провел 23 года в израильских тюрьмах, был среди 1027 палестинцев, освобожденных в рамках сделки, заключенной в 2011 г. в обмен на похищенного израильского солдата.

Вернувшись в эшелоны высшей власти движения, Аль-Синвар держал в своих руках нити связей военного крыла ХАМАС с его политическим центром. В 2015 г. его имя было добавлено США в список самых разыскиваемых международных террористов вместе с Мухаммедом аль-Дейфом, командиром «Бригад Аль-Кассам» [5]. В 2017 г. он был избран лидером и главой Политбюро движения в Газе. В кругах, близких к ХАМАС, вокруг него создан ореол нестигаемого борца. Новое поколение ХАМАС почитает его образцом для подражания, В Израиле и других странах его причисляют к архитекторам акции «Потоп Аль-Акса» 7 октября 2023 г. [5].

Другая стержневая фигура в верхах ХАМАС – Мухаммед Аль-Дейф, нынешний командир «Бригад Аль-Кассам». Аль-Дейф (псевдоним Мухаммада Аль-Масри) родился в 1965 г. в лагере беженцев Хан-Юнис, получил диплом в Исламском университете Газы, где изучал химию и биологию.

Он стал известен как Мухаммед Аль-Дейф после вступления в ХАМАС в 1987 г. Поднявшись по карьерной лестнице, Аль-Дейф курировал прокладку сетей подземных туннелей и изготовление оружия в Газе. В 2000 г., в эпоху правления покойного президента Ясира Арафата, с началом второй интифады на оккупированных территориях, Аль-Дейф был выпущен из тюрьмы Палестинской автономии, что вызвало критику израильтян, которые включили его в список своих целей [6].

В 2002 г. Аль-Дейф был назначен командующим военного крыла ХАМАС после того, как его предшественник Салах Шехадэ был убит в ходе израильского рейда. На протяжении 30 лет он участвовал в организации вылазок и атак против Израиля, начиная с захвата солдат и заканчивая ракетными обстрелами.

Этот палестинец уже несколько десятилетий возглавляет список самых разыскиваемых лиц в Израиле. Аль-Дейф пережил семь попыток покушений со стороны Израиля, был серьезно ранен во время одной из них. Его жена, семимесячный сын и дочь погибли в результате авиаудара Израиля в 2014 г.

Аль-Дейф редко появляется на публике. На видео этот деятель выглядит в маске или его лицо заштриховано. Его местонахождение неизвестно, но, по всей видимости, он находится в подземных убежищах сектора Газа.

По словам источника, близкого к ХАМАС, этот функционер начал планировать операцию «Потоп Аль-Акса» после беспорядков вокруг Аль-Аксы, третьей по святости мечети мусульман в мае 2021 г. [5].

Источник, близкий к ХАМАС, сообщил, что решение о подготовке нападения было принято в глубокой секретности, келейно совместно Аль-Дейфом и лидером ХАМАС в Газе Яхьей Аль-Синваром. Цитируя этот источник, Ливанский центр исследований и консультаций указывает, что конспирация достигла такой степени, что Иран, враг Израиля и важный источник финансирования, обучения и вооружения ХАМАС, знал только о том, что движение в целом планирует крупную операцию, однако у него не было никаких сведений ни о его дате, ни о сроках проведения операции [5].

Марван Исса – заместитель главнокомандующего «Бригад аль-Кассам» и член Политбюро Движения исламского сопротивления, считается правой рукой Мухаммеда Аль-Дейфа. Марван Исса, более известный как Абу Аль-Бараа, родился в 1965 г. в лагере палестинских беженцев Аль-Бурейдж (в центральной части сектора Газа в провинции Дейр-эль-Балах). Израильские оккупационные силы арестовали его во время первой интифады и продержали в тюрьме пять лет (1987–1993). После освобождения Исса сыграл ключевую роль в трансформации «Бригад Аль-Кассам» из полувоенных ячеек в батальоны и бригады в соответствии с четкой военной иерархией. Израильские спецслужбы включили его имя в список наиболее опасных разыскиваемых лиц. Он был ранен в ходе попытки ликвидации со стороны израильских спецслужб. Израильские ВВС дважды разрушали его дом во время налетов на сектор Газа в 2014–2021 гг.

Марван Исса отвечает за операции «Бригад Аль-Кассам» против израильских поселений и их жителей на оккупированных территориях. Он стоит за подготовкой и планированием вторжений: от операции «Сланцевые камни» в 2012 г. до «Потопа Аль-Аксы» в 2023 г. Он также один из руководителей, ответственных за проведение обмена пленными.

Биографии руководителей ХАМАС свидетельствуют о зрелости движения и высоком профессионализме его лидеров. Часть документов, которые находились в распоряжении палестинских боевиков – участников нападения на Израиль 7 октября, были захвачены ЦАХАЛ во время вторжения в Газу в начале декабря. Они удивили израильских военных аналитиков уровнем подготовки и детализации операции Аль-Акса.

На компьютерных файлах были обнаружены подробные тактические планы, которые включали список целей, названия участвующих подразделений и их членов, задачу каждого из них, а также оперативные детали, список необходимого оружия. Точные спутниковые снимки подвергшихся нападению кибуцев были найдены у погибших боевиков. Среди них «чек-лист» по захвату заложников и «руководство по общению с ними» [7].

В отличие от четырех предыдущих фигур из верхов ХАМАС пресс-секретарь «Бригад аль-Кассам», Абу Убайда не обладает большими полномочиями в принятии судьбоносных решений. Однако его влияние значительно, поскольку он, по сути, представляет лицо ХАМАС в медиаполе региона и даже шире – в глобальном плане.

Абу Убайда зачитывает военные сводки, разъясняет и комментирует ситуации, ведет дискуссию. Его фото никогда не публиковалось. Обычно он выступает по радио и телевидению, плотно закрыв лицо палестинским шарфом – *куфией*. Он часто зачитывает официальные сводки на каналах Аль-Акса (канал, связанный с аль-ХАМАС) и иногда на канале Аль-Джазире, а также других арабских каналах.

Абу Убайда – псевдоним этого человека. Его настоящее имя и внешний вид неизвестны, так же как практически отсутствуют данные о его биографии, личной жизни и т.д. Правда, согласно одной израильской версии, Абу Убайда родом из деревни Н'Алия, которую Израиль оккупировал в 1948 г., и что его семья была перемещена в район Джабалия, к северо-востоку от Газы.

Он совмещает хорошую информированность с умением учитывать психологию арабской аудитории и ее настрой, сочетает эмоциональный заряд и четкие формулировки. В нынешних условиях он стоит на острие информационно-психологической войны, которую ведет ХАМАС, отстаивая и пропагандируя свои позиции.

По мнению ряда арабских экспертов, Абу Убайда получил широкую известность, все ждут его выступлений в разных точках арабского региона, которые стали почти ритуальными.

Восприятие идейных воззрений и практики ХАМАС

Детонатором конфликта между Израилем и ХАМАС стала операция «Потоп Аль-Аксы», название которой символично¹. Это

¹ Аль-Акса – третья святыня мусульман после Заповедной мечети в Мекке (аль-Харам аль-Шариф) и Мечети Пророка в Медине. Аль-Акса (отдаленнейшая мечеть) находится в Иерусалиме. Она была первой «киблой» – стороной, к которой мусульмане обращали взоры во время молитв на заре ислама, до того времени, как киблой стала святыня в Мекке. Мусульманские улемы единодушно относительно желательности посещения мечети аль-Акса. 21 августа 1969 г. гражданин Австралии совершил умышленный поджог в мечети, который вызвал выступления палестинцев и ожесточенные столкновения с израильскими оккупационными силами. Это событие вызвало глубокое возмущение в исламском мире и побудило ряд стран объединить усилия для поддержки Палестины и защиты исламских святынь. В этих условиях лидеры 30 мусульманских стран в сентябре 1969 г. образовали Организацию Исламская конференция (ОИК), в 2011 г. она переименована в Организацию исламского сотрудничества (ОИС).

очевидно отражает желание ХАМАС как и раньше перевести конфликт в плоскость противостояния мира ислама и уммы с Израилем.

Конфликт вызвал большой резонанс в официальных кругах, СМИ и социальных сетях Ближнего Востока. События в Газе и вокруг нее доминируют в дискуссиях экспертного сообщества. Здесь можно выделить два аспекта.

Первый – медийная составляющая конфликта в Газе сегодня как никогда велика, наряду с его военным, религиозным и другими компонентами. В региональном коммуникационном пространстве налицо схватка по поводу освещения, интерпретации и оценки того, что происходит как на поле боя, так и на политической арене...

Второй – картина восприятия событий весьма мозаична в зависимости от степени вовлеченности арабских государств в конфликт в историческом, географическом, политическом и прочем аспектах, а также изменений, произошедших в раскладе сил в регионе в последние годы.

Официально большинство арабских государств назвали «Потоп Аль-Акса» эскалацией конфликта между израильянами и палестинцами и призвали прекратить военные действия. Лишь несколько стран обвинили Израиль в развязывании войн.

Последний Саммит стран Персидского залива 5 декабря 2023 г. осудил «практику Израиля в секторе Газы» и потребовал немедленного прекращения огня и возобновления всеобъемлющего мирного процесса.

Что касается позиций на общественном, медийном и прочих уровнях, то традиционный нарратив налицо – арабы на стороне «правого дела Палестины». Антиизраильская риторика по поводу бомбежек, потерь среди жителей, огромных разрушений Газы и т.д. практически не сходит со страниц изданий, звучит в выступлениях комментаторов и политиков, в ходе различных ток-шоу и т.п.

По мере продолжения конфликта и роста числа жертв среди мирных палестинцев в анклав, усилилась антиизраильская и антиамериканская критика в медиа, особенно палестинского, пропагандистского и левого толка, растет сочувствие к жертвам войны, множатся призывы к увеличению гуманитарной, продовольственной и прочей помощи населению Газы.

Так, Саудовская Аравия развернула сбор пожертвований для осажденного сектора. Король и наследный принц были первыми, кто сделал щедрые взносы. Эмираты заявили, что они готовы принять у себя для реабилитации 1 тыс. палестинских детей в сопровождении родителей.

«Благотворительное общество Кувейта» при участии правительственных и частных структур провозгласило кампанию «Мы все – Газа». Его цель – направить максимум доходов от продажи своей продукции на местном рынке на благо пострадавшим в секторе Газа.

При всем обилии и доминировании пропалестинских симпатий в арабских странах наблюдаются разнообразные мнения по поводу отношения к политике и идеологии ХАМАС. Не оспаривается тезис о том, что палестинцы, в том числе из Газы, после долгих лет оккупации имеют право на сопротивление. Заметная часть общественного мнения, а также «арабская улица» в коммуникационном пространстве встали на сторону ХАМАС, поддерживая его аргументы и тактику.

Сторонники ХАМАС подчеркивают, что Израиль в ходе предыдущих столкновений (2008/2009, 2012, 2014 и 2021 гг.) не смог достичь целей, которые ставил каждый раз, нанося удары по инфраструктуре сопротивления, ведя охоту за его кадровым составом. Израиль так и не сумел устранить ХАМАС с политической арены. В то же время Движение сохранило свой потенциал, несмотря на большие разрушения в секторе и людские потери. Они считают, что палестинцы, ведя «асимметричную войну», используя специфичные приемы борьбы против израильской военной машины, на самом деле выигрывают противостояние с Израилем.

Значительная часть авторов и изданий в арабском регионе превозносят действия палестинцев, считая, что их доблесть и боеспособность выросли. Это показало внезапное нападение на Израиль 7 октября. Оно потрясло один из столпов структуры израильского государства, ее военную доктрину, поколебало хваленое технологическое превосходство и возможности разведки [8].

В этом дискурсе утверждают, что вспышка конфликта в Газе вернула палестинский вопрос на передний план политической сцены, как в регионе, так и за его пределами. С отступлением исламистов после «арабской весны» палестинский вопрос откатился на задний план в сознании арабов. А ведь когда-то он занимал чуть ли не центральное место в концепции арабского единства, начиная с середины XX в., и часто определял внешнеполитические приоритеты стран региона.

В атмосфере, накаленной сообщениями о побоище в Газе, идет полемика о формах сопротивления, взаимодействия между разными частями палестинского движения, его связей со странами региона, подоплеке и роли общеарабских действий и т.д.

Реагируя на выступление руководства ХАМАС о том, что операция «Потоп Аль-Акса» вызвана реакцией на осквернение мечети, терроризм поселенцев и направлена на освобождение мечети и прекращение израильской оккупации, обозреватели назвали их теоретически законной целью, но вряд ли осуществимой.

Ряд аналитиков утверждает, что деятели ХАМАС руководствуется мотивами слепой исторической мести, что противоречит логике, пренебрегают голосом разума и рациональности. Эта одержимость вкупе со страстной риторикой возвращают людей к словесным войнам, которые преобладали в 1960–1970-е годы. На их взгляд, это мешает палестинским деятелям и арабам отказаться от обветшалых и потерявших смысл пропагандистских догм и лозунгов, принять существующую реальность, которой живет регион. Нет сомнений по поводу права палестинцев сопротивляться, включая вооруженный способ, указывает египетская газета «Аль-Ахрам»: «Но нужно, чтобы у них были ясные политические цели, а не только стремление к возмездию» [9].

Часть комментаторов, особенно в странах Залива подчеркивает, что операция «Потоп Аль-Акса» не была согласована ни с Палестинской администрацией, ни с другими арабскими странами. Некоторые назвали ее ошибочной, сочувствие к страданиям мирного населения Газы не означает поддержки политики и методов ХАМАС. Решение начать войну, считает влиятельный арабский портал «Эляф», не было региональным решением с участием арабских стран или даже решением Палестинской администрации. Поэтому очевидно, что ни одна арабская страна не будет вмешиваться в этот конфликт прямо или косвенно. Палестинская администрация приняла такое же решение.

Арабские страны и Палестинская автономия продемонстрировали высокую степень сдержанности и приверженности международным резолюциям, и это, следует особо отметить, заслуга самого палестинского руководства, а также Королевства Саудовская Аравия, Египта и Иордании [10]. Поддерживая эту точку зрения, «Эляф» указывает, что за судьбы арабских народов «от моря до моря» отвечают законные, признанные государства, а не партизанские организации, получающие поддержку от государства, враждебного всем арабам (в данном случае имеется в виду Иран).

Звучат мнения, что происходящее в секторе Газа не должно заслонять тот факт, что группировка ХАМАС «свергла Палестинскую администрацию», чтобы управлять Газой так, как ей заблаго-

рассудится, и навязать Израилю ситуацию «наскоков и вылазок». Распространен взгляд, что такая политика идет на руку Израилю и способствует приходу к власти в нем крайне правых сил и вытеснению тех, кто поддерживает решение о двух государствах. Опасаются, что война в Газе приведет к политизации целого поколения, которое ранее не было знакомо с подоплекой «палестинского вопроса» и которым проще манипулировать.

Сегодня этот конфликт рассматривается через искаженную призму из-за беспрецедентного насилия в противостоянии двух сторон. Прежде всего, правительства Биньямина Нетаньяху, самого радикального в истории Израиля, и движения ХАМАС, наиболее конфликтующего с основами палестинского национального проекта, касается ли это ООП или их понимания характера отношений с Израилем сейчас и в будущем. Обе стороны в настоящее время стремятся добиться полной победы для себя и поражения для другой. Нужно, чтобы они убедились, что оба варианта практически невозможны. Ни ХАМАС, ни другие вооруженные палестинские группировки не исчезнут, а Государству Израиль не придет конец. У израильской и палестинской сторон нет другого выбора, кроме взаимного принятия и взаимных уступок, резюмирует эмиратская газета [11].

Ряд экспертов советует руководству ХАМАС воздерживаться от цитирования Корана и изречений Пророка для оправдания своих политических целей и действий в нынешней ситуации. К примеру, саудовский политолог и медиадеятель Тарик Хамид считает, что вырывания из священных текстов каких-то отрывков для интерпретации событий в моменты эмоций, тем более когда честные люди сочувствуют невинным в Газе, опасно и вредно.

К таким популистским приемам с целью ввести в заблуждение людей в свое время прибегали «Аль-Каида» и Бен Ладен, это вредит репутации мусульман и ислама Поэтому политолог обращается к одному из руководителей ХАМАС и советует «оставить в покое Коран и религию» [12]. В свою очередь, саудовский телеканал «Аль-Арабийя» спрашивает у ХАМАС: будучи исламским движением и управляя сектором Газы, слышал ли он о хадисе Пророка («Вы все пастыри и все вы несете ответственность за свое стадо») [13].

Эксперт опасается, как бы эта война, которая разжигает аппетиты террористических группировок на волне воспаленных эмоций по поводу Газы не поспособствовала бы возвращению к вербовке людей в новую «Аль-Каиду» и, возможно, другие, близкие к ней группировки с названиями, связанными с Палестиной и Газой [14].

Как видно, обозначилась поляризация взглядов и оценок, с чем соглашается ряд арабских исследователей. Мониторинг их мнений и оценок говорит о том, что просматриваются два тренда. Один представлен теми, кто полностью поддержал операцию ХАМАС, ее результаты, считая вооруженную борьбу единственно верным путем. Они делают ставку на ось сопротивления (Иран–Ливан–Хезболла), предсказывают неспособность Израиля вести длительную войну. В глазах единомышленников из близких исламских групп в разных концах региона людские жертвы, даже если они исчисляются тысячами, приемлемы. Другой тренд рассматривает операцию ХАМАС как непродуманную. Альтернативой ей является народное, политическое, дипломатическое сопротивление, которое может привести к серьезным переменам. Жертвы должны быть разумными, а формы сопротивления – пропорциональны возможностям.

Эмиратское издание «Аль-Айн аль-ахбарийа» сравнивает операцию «Потоп Аль-Акса» с угоном самолета, что гарантирует ХАМАС и его группировкам круглосуточное телевизионное освещение, но приводит к санкциям и страданиям палестинцев на десятилетия вперед [15].

Между двумя этими направлениями большая часть общественности и интеллектуалов находится где-то посередине, испытывая тревожное ожидание. В каждом блоке есть свои крайние элементы, настроенные решительно и бескомпромиссно.

«Может ли ХАМАС победить ценой разрушения родины и перемещения народа? Разве он не сознает, что продолжающиеся обстрелы ракет, которые не убивают врага, дают ему оправдание продолжать свои преступления под предлогом обстрелов его территории?» – спрашивает бывший министр Палестинской администрации, видный юрист Ибрахим Абраш [16].

«Во времена кризиса общества нуждаются в лидерах разного типа, способных проложить для них новый курс и возродить надежду среди людей. Палестинцам необходимо более активно заявлять о своем отказе от вариантов, к которым их принуждает ХАМАС. Сейчас настало время новому палестинскому голосу выразить чаяния своего народа в более реалистичном подходе», – отмечает ливанский политолог Надим Катыйш [17].

* * *

Провозглашенный нынешней администрацией Израиля лозунг физического устранения ХАМАС, его верхушки, особенно

военной, вызывает скептицизм. Ближневосточный конфликт замешан и разросся на почве острых противоречий и сталкивающихся интересов, в которых велик вес религиозной составляющей.

Этот регион является родиной иудаизма, христианства и ислама. Судьбы местных этносов переплетены в силу географической близости, общности исторического наследия и святынь.

Священным и для израильтян, и для арабов является Иерусалим. Однако нити и импульсы конфликта выходят за пределы региона – эпицентра святынь трех монотеистических религий, которые притягивают взоры их последователей со всей планеты.

Для арабов это предопределено их исторически родственными узами в примыкающем географическом пространстве, а также духовной общностью с большим миром мусульманских единоверцев. Именно поэтому ХАМАС не хочет терять внешней поддержки исламского сообщества.

Анализ сложившейся ситуации в Газе свидетельствует о высоком уровне конфликтогенности в регионе. В то же время сегодня без участия ХАМАС – движения, выдвинувшего свою альтернативу в подходах к политическим процессам на Ближнем Востоке, трудно разблокировать арабо-израильский конфликт. Часть экспертов считает, что пока жизненная среда для существования ХАМАС и его воззрений остается, он может через какое-то время воспроизвести новые аналогичные образования.

Список источников

1. عضو بالمكتب السياسي لـ«حماس»: لدينا 35 ألف مقاتل في غزة [Member of HAMAS Politburo: We have 35000 fighters in Gaza] // Asharq Al-Awsat. October 24, 2023. – URL: <https://aawsat.com/-/العالم-العربي/المشرق-العربي/4625261-عضو-بالمكتب-السياسي-لـ-حماس> (дата обращения: 04.09.2024).
2. «Палестинские тюрьмы забиты сынами ХАМАС», – жаловался в 1999 г. один из его руководителей Махмуд Аз-Захар. По заявлению представителя ХАМАС, службы безопасности Палестинской автономии «не прекращают охоту за нашими муджахедами, ликвидировали ряд лабораторий по производству взрывчатых веществ и ракет». См. URL: <https://meria.iude.ac/il/journal/2000/issue1/jv4n1a7.html> (дата обращения: 08.09.2024).
3. *Ризк Имад*. «Аш-Шарк Аль-Авсат фи мизан ар-руаб» (на араб. языке) // «Ближний Восток на весах страха». – Ливан, 2003. – С. 297.
4. عبدالله الجديع: من قرر هجوم السابع من أكتوبر [A. Al-Djadia: who decided to launch an attack on 7 of October] // Alwatan. October 15, 2023. – URL: <https://www.alwatan.com.sa/article/1135436> (дата обращения: 08.09.2024).
5. يحيى السنوار..مهندس «طوفان الأقصى» يجمع بين الراديكالية والبراغماتية السياسية [Yahya As-Sinwar. An engineer of “Al-Aksa flood” who combines radicalism and political

- pragmatism] // Center-lcrc. November 30, 2023. – URL: <http://center-lcrc.org/s/28/43710> (дата обращения: 24.08.2024).
6. [The most prominent leader of HAMAS... Among them “Owner of the Nine Spirits”] // Al-Ain.com. October 13, 2023. – URL: <https://al-ain.com/article/most-prominent-hamas-leaders-3> (дата обращения: 02.09.2024).
 7. وثائق تفكك بعضا من الغاز هجوم 7 أكتوبر [Documents reveal some puzzle of attack on Israel on October, 7] // Middle-east-online. May 12, 2023. – URL: <https://middle-east-online.com> /وثائق تفكك بعضا من الغاز-هجوم 7-أكتوبر (дата обращения: 06.09.2024).
 8. المركز العربي يناقش الأبعاد الإنسانية والسياسية والاستراتيجية للحرب على غزة [Arab Centre discusses humanitarian, political and strategic dimensions of the war in Gaza] // Arab48. October 18, 2023. – URL: <https://www.arab48.com/2023/10/18/المركز-العربي-يناقش-الأبعاد-الإنسانية-والسياسية-والاستراتيجية-للحرب-على-غزة> (дата обращения: 25.08.2024).
 9. عبد المنعم سعيد 7 أكتوبر [Abdel Moun'im Said] // Alarabiya. October 10, 2023. – URL: <https://www.alarabiya.net/politics/2023/10/10/7-أكتوبر> (дата обращения: 24.09.2024).
 10. كامل سلمان : نتائج معركة غزة - قراءة مستقبلية [Kamal Salman: Results of Gaza battle – a vision of the future] // Elaph. October 14, 2023. – URL: <https://Elaph.com/Web/opinion/2023/10/1517350.html> (дата обращения: 09.09.2024).
 11. محمد خلفان الصوافي : حل وحيد لما يحدث في غزة [M. Khalfan As-Sawafy: Only one solution for what is happening in Gaza] // Al-Ain. October 23, 2023. – URL: <https://Al-Ain.com/article/only-one-solution-gaza-war> (дата обращения: 13.09.2024).
 12. طارق الحميد : رسالة إلى خالد مشعل [Tariq Al-Hamid: A message to Khalid Mashaal] // Aawsat. October 22, 2023. – URL: <https://aawsat.com-إلى-خالد-4620231/الرأي/> (дата обращения: 26.08.2024).
 13. هبة فارس: بيتني أسيرة إسرائيلية.. ويزورني السنوار [Habba Faris : If I were a prisoner of Gaza and As-Sinwar met me] // Alarabiya. December 4, 2023. – URL: <https://www.alarabiya.net/politics/2023/12/04/ويوزورني-أسيرة-إسرائيلية-لي-تني-4620231/الرأي/> (дата обращения: 22.08.2024).
 14. Mashary Al-Zaidy: why this war is different? And why it should be stopped forever? // Alarabiya. November 01, 2023. – URL: <https://www.alarabiya.net/politics/2023/11/01/لماذا-مختلفة؟-ولماذا-يجب-أن-تنتهي-للأبد؟> (дата обращения: 06.09.2024).
 15. طارق الحميد : غزة وحرب بلا فائدة [Tariq Al-Hamid: Gaza and the useless war] // Al-ain. October 8, 2023. – URL: <https://al-ain.com/article/gaza-war-without-benefits> (дата обращения: 04.09.2024).
 16. Ibrahim Abrash: It was possible to cut losses of the war] // Middle-east-online. December 8, 2023. – URL: <https://www.middle-east-online.com> /كان من الممكن تقليل خسائر حرب غزة (дата обращения: 10.09.2024).
 17. Nadim Qatish: for not to lose our “case” again] // Aawsat. October 31, 2023. – URL: <https://aawsat.com/4638411/كفي-الرأي-لا-نديم-قطيش-كي-لا-تخطفنا-«القضية»-مرة-أخرى> (дата обращения: 10.09.2024).

Статья поступила в редакцию 03.09.2024.

Принята к публикации 10.09.2024.

Zinin Yu.N.
The Conflict in the Gaza Strip
in the Context of Hamas' Ideology

Yury N. Zinin,
Senior Research Associate,
Center for Middle Eastern and African Studies,
Institute of International Studies MGIMO MFA of Russia,
e-mail: zinin42@mail.ru

***Abstract.** The article examines the Israel-Palestine conflict in Gaza that escalated on October 7, 2023, through the prism of the ideology of the radical Palestinian organization Hamas. It analyzes its genesis and the documents that have been at the core of its activities since 1987. Hamas' reference points are Islam, the call for jihad with the goal of 'liberating all of Palestine', that is, non-recognition of Israel.*

The article analyzes the motives, features of the organization and actions of the current Hamas leadership since the start of the conflict.

The author pays close attention to the views on the ideology and practices of Hamas from the authorities, the public and the media of Arab countries. Despite the differences in approaches, in general, the legitimate rights of Palestine are universally supported.

However, the reaction and responses to the events are not unambiguous. This reflects the impact of the rebalancing of relations and the ongoing changes in the hierarchy of the countries of the region. At the same time, today without the participation of Hamas, which has offered its alternative in approach to political processes in the Middle East, it is difficult to defuse the Arab-Israeli conflict. It is obvious that as long as the vital environment for the existence of Hamas remains, it will continue to support the vision of the organization.

***Keywords:** Hamas; Palestine; Israel; Gaza; Al-Aqsa Flood; ambiguous perception of the conflict in the world.*

Останин-Головня В.Д.*
ПОЛОЖЕНИЕ ШИИТСКОГО МЕНЬШИНСТВА
САУДОВСКОЙ АРАВИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

DOI: 10.31249/rimm/2024.03.05

Для цитирования: Останин-Головня В.Д. Положение шиитского меньшинства Саудовской Аравии на современном этапе // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2024. № 3 (333). DOI: 10.31249/rimm/2024.03.05

***Аннотация.** Статья посвящена положению шиитского меньшинства в Саудовской Аравии. Актуальность изучения проблемы межконфессиональных отношений в КСА обусловлена спецификой развития внутренней и внешней политики Королевства. Суннито-шиитские взаимоотношения оказывают влияние на политическую динамику Ближнего Востока как на уровне отдельных стран, так и в сфере межгосударственных отношений. Особое внимание автор уделяет историческому аспекту, анализируя зарождение шиито-ваххабитского конфликта и положение шиитской общины в социально-политической системе Саудовской Аравии. Современный этап рассматривается в контексте развития ирано-саудовских отношений, текущих региональных процессов, а также трансформаций политического курса и внутренних реформ КСА.*

***Ключевые слова:** Саудовская Аравия; шиизм; суннизм; ваххабизм; суннито-шиитские взаимоотношения, «шиитский вопрос».*

Положение шиитского меньшинства Саудовской Аравии вызывает большой интерес как с точки зрения политического развития и межконфессиональных отношений внутри самого Королевства, так и в контексте региональных и международных процессов. Известно, что своим возникновением саудовская государственность во многом обязана заключенному в середине XVIII в. союзу между эмиром Мухаммадом ибн Саудом и богословом Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом, учение которого стало «идеологическим базисом» объединения Аравийского полуострова под властью Саудидов. Несмотря на неудачные попытки построения

* Останин-Головня В.Д., научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока, ИНИОН РАН, e-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

первых двух государств, династии Аль Сауд и Аль аш-Шейх сохранили верность друг другу и смогли образовать своеобразный «правлящий тандем», где в руках первых находится вся полнота политической власти, в то время как за вторыми закреплена ведущая роль в религиозно-богословских делах.

Правящий монарх Саудовской Аравии носит почетный титул Служителя Двух Святынь (*Хадим аль-Харамейн аш-Шарифейн*), глава рода Аль аш-Шейх занимает должность Верховного муфтия, а государственный статус ислама в Саудовской Аравии закреплён на законодательном уровне через Основное уложение о власти (*ан-Низам аль-Асасий ли-ль-Хукм*) от 1992 г., первая статья которого символически провозглашает Коран и Сунну конституцией Королевства [1]. Более 93% населения страны, по оценкам Pew Research Centre, являются мусульманами [2], что, с учетом результатов переписи населения КСА 2022 г., составляет около 29 млн человек от общего показателя в 32,175,224 человека [3].

Примечательно, что официальная статистика делает акцент на таких показателях, как средний возраст жителей страны (29 лет), коэффициент фертильности (2,8), средний размер семьи внутри (4,8) и за пределами (2,7) Королевства, соотношение мужчин (61,2%) и женщин (38,8%), а также саудовцев (58,4%) и (не)саудовцев (41,6%), но не приводит никакой информации относительно этнического и религиозного состава населения. В связи с этим, для определения численности шиитской общины в Саудовской Аравии приходится полагаться либо на готовые оценки различных организаций, исследовательских коллективов или отдельных экспертов, либо на косвенные показатели и неподтвержденные данные.

Например, согласно одной из самых авторитетных англоязычных энциклопедий – «Британике», в 2000 г., с учетом всех подданных, не-подданных и трудовых мигрантов, доля суннитов в Саудовской Аравии составляла 84% от общего количества верующих, шиитов – 10, католиков – 3, индуистов – 1, неверующих и представителей прочих вероисповеданий – 2% [4]. В докладе Международной кризисной группы (ICG) от 2005 г. под названием «Шиитский вопрос в Саудовской Аравии» приводится менее точная оценка в 10–15% [5, с. 5], что в середине 2000-х годов равнялось бы примерно 2 млн человек. Также имеется и американская версия: по данным отчета Госдепартамента США о международной свободе вероисповедания за 2022 г., общая численность мусульман в Саудовской Аравии составляет 85–90%, из которых около 10–12% являются шиитами [6].

Если же опираться на результаты переписи населения КСА 2022 г., то с очевидными погрешностями, можно подсчитать соотношение населения провинций, где традиционно проживают шииты, с прочими регионами Королевства. Совокупная численность жителей Аш-Шаркийи (5,125,254 человека), Асира (2,024,285 человек), Джазана (1,404,997 человек) и Наджрана (592,300 человек) составляет 9,146,836 человек [7], или 28,43% от общей численности в 32,175,224 человека. Подобный подход, при учете устаревших данных по пропорциям конфессионального состава населения Королевства, дает некоторым исследователям возможность предположить, что доля шиитского населения Саудовской Аравии составляет около 20–25%, т.е. приблизительно 7,5 млн человек [8].

Так или иначе, вне зависимости от подхода к определению пропорций конфессионального состава населения КСА, шииты остаются меньшинством, а, с учетом численности суннитов и роли ваххабизма в развитии социально-политической системы государства, Саудовскую Аравию, без преувеличений, можно назвать крупнейшей суннитской монархией. При этом на протяжении истории религиозная специфика страны имела непосредственное влияние на формирование как внутренней, так и внешней политики королевства.

* * *

После провозглашения Королевства в 1932 г. шииты, проживающие на территории Саудовской Аравии, оказались в положении дискриминируемого меньшинства. Многие представители шиитской общины еще до объединения Неджда и Хиджаза были вынуждены бежать на территорию Ирака, Ирана, Йемена и Бахрейна, так как в середине 1920-х годов они стали подвергаться систематическим гонениям со стороны наиболее ревностных ваххабитов [9, с. 135].

Однако на протяжении 1930 – 1960-х годов «шиитский вопрос» оставался преимущественно внутренней проблемой Саудовской Аравии. Шииты принимали участие в ряде забастовок работников нефтяных предприятий (например, 1944 и 1953) и демонстрациях против размещения американских войск на территории Королевства (вроде событий 1956 г. в Аз-Захране), но тогда они выходили в одном ряду с недовольными суннитами, а в качестве самостоятельной протестной силы фигурировали крайне редко.

В указанный период Эр-Рияд гораздо больше внимания уделял борьбе с оппозиционными политическими движениями по типу насеристов, баасистов и радикальных националистов. Однако уже в 1970-х годах на фоне начала «исламского пробуждения» и последовавших за ним трансформаций политического ландшафта Ближнего Востока ситуация стала меняться [10, с. 213]. Иранская революция 1979 г. дала мощный импульс для подъема шиитского движения во всем регионе, что привело к обострению противоречий с суннитами и, как следствие, усилению влияния исламского фактора на мировую политику. Своеобразные «линии разлома» возникли практически во всех странах Арабского Востока, где имелись шиитские общины: от Ливана, Сирии и Ирака до Йемена, Бахрейна и Саудовской Аравии.

С 1981 г., иранские паломники стали регулярно проводить политические демонстрации во время хаджа. Чаще всего их лозунги были направлены против Израиля, а также политики США и СССР в отношении стран «исламского мира». Обычно все заканчивалось разгоном подобных акций и единичными арестами, однако 31 июля 1987 г. силы полиции и Национальной гвардии КСА перекрыли маршрут демонстрации, что привело к давке и жестоким столкновениям, в результате которых погибло около 400 человек, среди которых насчитывалось 275 паломников из Ирана, 42 паломника из других стран и 85 саудовских силовиков [11].

Действия правоохранительных органов Саудовской Аравии в той ситуации были обусловлены тем, что в мае 1987 г. в Восточной провинции Королевства возникла военизированная организация под названием «Хизбалла Хиджаза», и в Эр-Рияде опасались, что ее члены могут попытаться превратить очередную демонстрацию в вооруженное восстание [12, с. 186–188]. Во многом опасения были оправданы, так как вскоре «Хизбалла Хиджаза» опубликовала заявление с призывом к свержению режима Саудидов, а в дальнейшем использовала события в Мекке для обоснования терактов на нефтяных объектах в Рас аль-Джуайма (августа 1987 г.) и Джубейле (март 1988 г.) [9, с. 138].

Тем не менее после завершения Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. и смены руководства Исламской республики в 1989 г. отношения между Эр-Риядом и Тегераном стали постепенно «теплеть», что сказалось и на положении шиитского меньшинства Саудовской Аравии. В 1993 г., по окончании зачистки наиболее радикальных элементов «Организации за Исламскую революцию на Аравийском полуострове» (ОИРАП) и «Хизбаллы Хиджаза»,

король Фахд провел встречу с представителями оппозиции, большинство которых составляли шииты. В обмен на обещание прекратить подрывную деятельность на территории страны монарх обязался ликвидировать некоторые формы явной дискриминации. В частности, из учебников были исключены уничижительные термины по отношению к шиитам, некоторые оппозиционные активисты получили разрешение вернуться в КСА [13, с. 110]. Однако «перемирие» между Саудидами и шиитами было сорвано терактом 25 июня 1996 г. в Аль-Хубаре, ответственность за который была возложена на проиранскую «Хизбаллу Хиджаза», что повлекло за собой репрессии и в отношении шиитских активистов умеренного толка [12, с. 192–193].

Очередная попытка нормализации отношений между Саудовской Аравией и Ираном была предпринята в период президентства Мухаммада Хатами (1997–2005). В 1999 г. состоялся официальный визит Хатами в КСА, его преемник – Махмуд Ахмадинежад (2005–2013) – также неоднократно встречался с саудовскими монархами. В начале 2000-х годов обе стороны были заинтересованы в стабилизации региона, что, в условиях Иракского кризиса и резкого усиления позиций США на Ближнем Востоке, было бы невозможно без очередной разрядки в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном. Напрямую «шиитский вопрос» в ирано-саудовском диалоге того периода не поднимался, так как проблема межконфессиональных отношений могла свести на нет дипломатические успехи ваххабитского королевства и шиитской республики. Однако Эр-Рияд пошел на определенные уступки, чтобы продемонстрировать иранским партнерам и международному сообществу свою открытость и готовность к реформам.

4 августа 2003 г. по инициативе наследного принца Абдаллы был создан Центр национального диалога им. короля Абд аль-Азиза¹. Само возникновение Центра, как отметил Г.Г. Косач, внесло «принципиально новые нюансы» в систему власти Саудовской Аравии, так как правящая элита, по сути, впервые открыто обратилась к общественному мнению на фоне проводимых реформ [14, с. 306]. Эффективность работы Центра и реальная степень «инклюзивности» проведенных им «Национальных встреч», конечно, весьма сомнительны. Многие указывают на то, что данная инициатива, прежде всего, была нацелена на стабилизацию внутренней ситуации

¹ В 2023 г. название организации было изменено на «Центр культурной коммуникации им. короля Абд аль-Азиза».

и консолидацию общества вокруг реформ. Так или иначе, в рамках заявленной темы особый интерес вызывают первые два форума.

К участию в эр-рядском форуме 2003 г. привлекли не только богословов официального ханбалитского мазхаба, но и представителей других правовых школ и течений – маликизма, шиизма, исмаилизма, суфийских тарикатов и даже оппозиционного салафитского движения «Пробуждение» (*«Ас-Сахва ас-Саудия»* или *«Сахва билад аль-Харамейн»*). Основной темой для обсуждения было преодоление межконфессиональных конфликтов с целью укрепления национального единства в рамках «умеренного исламского дискурса». Одним из ярчайших эпизодов форума стал символический жест одного из лидеров *«Ас-Сахвы»* Салмана аль-Уда, который по окончании мероприятия предложил главе умеренного шиитского «Движения за реформы» (*«Аль-Харака аль-Ислахия»*) Хасану ас-Саффару подвести его на своей машине [15, с. 271]. Тем не менее практических результатов первая «Национальная встреча» не принесла.

На мекканском форуме 2003 г., посвященном проблеме терроризма и распространения радикального исламизма в Саудовской Аравии, другой шиитский деятель – Хашим Салман – открыто жаловался на продолжение и рост дискриминации шиитов, хотя в итоге все участники подписали заявление с призывами к терпимости, расширению представительности органов власти, а также отказу от *фетв*, вынесенных отдельными лицами «по вопросам, представляющим национальный интерес» [16]. В определенной степени это отразило две основные тенденции политики саудовского руководства по отношению к шиитскому меньшинству в период 2000-х годов.

Важно упомянуть, что еще до запуска формата «Национальных встреч» 30 апреля 2003 г. 450 представителей шиитской общины Саудовской Аравии подали наследному принцу, премьер-министру и главе Нацгвардии коллективную петицию, известную под названием «Партнеры по Отечеству» (*«Шурака фи-ль-Уатан»*) [17]. Документ содержал 16 предложений по укреплению национального единства посредством расширения состава старых и создания новых представительных органов власти, реформы образования, пересмотра подходов к профилактике межконфессиональных конфликтов и улучшения положения шиитов.

Можно сказать, что на фоне разрядки в ирано-саудовских отношениях на рубеже 1990–2000-х годов среди шиитов КСА оформилось новое умеренное реформаторское движение, готовое к мирной политической борьбе за права, а также к конструктивному

сотрудничеству с правящим режимом. Саудиды, в свою очередь, пошли навстречу, увидев в этом возможности для укрепления общесаудовской идентичности и повышения собственного имиджа как внутри государства, так и на международной арене. Лидеры шиитской общины признают, что с приходом к власти короля Абдаллы правительство стало демонстрировать большую открытость и готовность к диалогу. Однако замедление темпов реформ во второй половине периода правления короля Абдаллы негативно сказалось на ситуации в межконфессиональных отношениях внутри Королевства, так как процесс интеграции лояльных и умеренных шиитов ограничился формальными мерами, а репрессии против радикалов и их сторонников набирали оборот.

3 сентября 2009 г. Human Rights Watch опубликовала доклад с говорящим названием «Лишение достоинства: Систематическая дискриминация и враждебность к саудовским подданным-шиитам» [18]. Немногим позже Нимр ан-Нимр выступил с публичной критикой властей Саудовской Аравии, заявив, что, в случае дальнейшего притеснения и несоблюдения прав шиитов, Восточная провинция должна отделиться от Королевства. В ответ правоохранительные органы КСА вновь арестовали ан-Нимра, а также задержали 35 его сторонников, среди которых, по данным Amnesty International, было семь несовершеннолетних, включая 16-летнего племянника шейха – Али Ахмада аль-Фараджа [19].

События «арабской весны», конечно, затронули богатые монархии Залива «по касательной», протесты были там не столь значительными, как в Тунисе, Египте, Сирии и т.д. Однако в Бахрейне ситуация вызвала серьезные опасения в ССАГПЗ и на островное государство был введен контингент «Щита полуострова», основную часть которого составили военнослужащие КСА, что возмутило саудовских шиитов. В начале марта 2011 г. власти Саудовской Аравии запретили любые митинги, заявив при этом об иностранном вмешательстве, прежде всего со стороны Ирана. Полиция и Национальная гвардия получили разрешение на применение любых средств для пресечения незаконных собраний. Нимр ан-Нимр под предлогом солидарности с бахрейнскими единоверцами призвал своих сторонников к акциям «ненасильственного сопротивления», но достаточно быстро демонстрации переросли в массовые беспорядки, обернувшиеся столкновениями с полицией и, как следствие, жертвами с обеих сторон.

После ареста ан-Нимра 8 июля 2012 г. интенсивность протестов в Восточной провинции стала постепенно снижаться. Без

лидера выступления обрели полустихийный характер и, несмотря на свою яркость, пресекались достаточно быстро и жестоко. Тем не менее повышенное внимание со стороны мировых СМИ и международных правозащитных организаций к протестной активности на Ближнем Востоке в период «арабской весны» превратило «шиитский вопрос» Саудовской Аравии не только в одну из самых обсуждаемых тем, но и в ключевой элемент критики в адрес властей Королевства.

Широкий резонанс вызвал смертный приговор Специализированного уголовного суда КСА от 15 октября 2014 г. в отношении Н. ан-Нимра. Заместитель директора программы Amnesty International по Ближнему Востоку и Северной Африке Саид Бумедуха заявил, что данный шаг «является частью кампании властей Саудовской Аравии по подавлению любого инакомыслия, в том числе тех, кто защищает права мусульман-шиитов Королевства» [20]. В ноябре 2015 г. 15 правозащитных организаций передали через Госсекретаря США королю КСА коллективную петицию с призывом отменить решение суда, однако документа остался без внимания со стороны саудовских властей [21].

Надежда на пересмотр приговора появилась после кончины 90-летнего Абдаллы 23 января 2015 г., но приход к власти Салмана ничего не изменил, и 2 января 2016 г. ан-Нимр был казнен с 46 другими заключенными, что стало самой массовой экзекуцией в истории Королевства с 1980 г., когда были казнены участники захвата Мечети аль-Харам. Казнь шейха вызвала очередное обострение в отношениях между Саудовской Аравией и Ираном. 3 января 2016 г. в Тегеране толпа демонстрантов при попустительстве полиции разгромила посольство КСА, консульство в Мешхеде также подверглось нападению, что дало формальный повод для разрыва дипломатических отношений.

Очередная волна протестов охватила Восточную провинцию в период 2017–2020 гг. Формальным поводом послужил инцидент 12 мая 2017 г., когда в ходе перестрелки в г. Аль-Авамия погибли малолетний ребенок и пакистанский мигрант. Ситуация обрела столь серьезный характер, что для подавления беспорядков Нацгвардии КСА потребовалось применить тяжёлое вооружение и, по сути, взять город «в осаду», обнеся его заградительными сооружениями [22]. Примечательно, что протесты начались на фоне визита в Саудовскую Аравию Дональда Трампа, к которому был приурочен Эр-Риядский саммит 20–21 мая 2017 г. с участием представителей 52 государств – членов ССАГПЗ и ОИС. Иран и Турция

бойкотировали встречу, что не помешало провести торжественную церемонию открытия Глобального центра по борьбе с экстремистской идеологией с говорящим названием «*И'атидал*» (араб. «Умеренность»).

* * *

Тем не менее, несмотря на жестокое подавление протестов 2017–2020 гг., после прихода к власти короля Салмана в Саудовской Аравии начался новый этап реформирования, который, прежде всего, связан с деятельностью наследного принца Мухаммада ибн Салмана. Модернизационный проект «Видение: 2030» был представлен в апреле 2016 г. и со временем обрел, как выразился Г.Г. Косач, «черты национальной идеи» [23, с. 104]. В частности, «Видение: 2030» содержит обширную социальную программу, где вопрос межконфессиональных отношений напрямую не фигурирует, но ряд целей все-таки предполагает решение наиболее острых проблем. Как минимум можно выделить такие пункты, как «Продвижение ценностей умеренности и терпимости», «Укрепление национальной идентичности», «Равный доступ к образованию» и т.д. [24].

4 августа 2021 г. в Мекке прошел форум Всемирной исламской лиги по вопросам межконфессиональных отношений в Ираке, во время которого, как считается, была озвучена новая позиция Саудовской Аравии по «шиитскому вопросу». Генсек ВИЛ Мухаммад ибн Абд аль-Карим аль-Иса, выступая на открытии мероприятия, заявил, что «между суннитами и шиитами нет ничего, кроме братского взаимопонимания, образцового сосуществования, взаимопомощи и дополнения друг друга в искренней любви», а религиозные инстанции обеих общин должны «во имя ценностей религии и отечества» бороться с тем, кто «соскользнул в лабиринт такфиризма, столкновения и противостояния» [25]. Также в качестве сигнала о готовности Саудовской Аравии вернуться к диалогу с умеренной частью шиитских общин Ближнего Востока была воспринята встреча наследного принца Мухаммада ибн Салмана с лидером «Национального движения мудрости» («*Тайяр аль-Хикма аль-Уатаний*») Аммаром аль-Хакимом – одним из ведущих шиитских шейхов Ирака [26].

Из этого следует, что возникает перспектива создания более терпимой и открытой атмосферы в обществе, которая может положительно сказаться на положении не только шиитской общины, но и иных меньшинств Саудовской Аравии. Однако на текущем

этапе о практических результатах социальных реформ «Видения: 2030», из-за отсутствия объективных показателей и достоверных источников, судить достаточно трудно.

Список источников и литературы

1. Основной низам правления (النظام الأساسي للحكم) // Консультативный совет КСА (مجلس الشورى). – URL: <https://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/shuraarabic/internet/laws+and+regulations/the+basic+law+of+government/the+basic+law+of+government> (дата обращения: 04.04.2024).
2. Fahmy D. 5 fact about religion in Saudi Arabia // Pew Research Center. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/04/12/5-facts-about-religion-in-saudi-arabia/> (дата обращения: 04.04.2024).
3. Перепись населения Саудовской Аравии 2022 (تعداد السعودية 2022) // SAUDI CENSUS. – URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal> (дата обращения: 04.04.2024).
4. Religion of Saudi Arabia // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/place/Saudi-Arabia/Religion> (дата обращения: 04.04.2024).
5. Middle East Report №45: The Shiite Question in Saudi Arabia. – Brussels: ICG, 2005. – 20 p.
6. 2022 Report on International Religious Freedom // U.S. Department of State. – URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/> (дата обращения: 04.04.2024).
7. Население по национальной принадлежности (السكان حسب الجنسية) // SAUDI CENSUS. – URL: <https://portal.saudicensus.sa/portal/public/1/18/101511?type=TABLE> (дата обращения: 04.04.2024).
8. Сколько шиитов в Саудовской Аравии? (كم عدد الشيعة في السعودية) // Полная арабская энциклопедия (الموسوعة العربية الشاملة). – URL: <https://www.mosoah.com/news/ksa-news/الشيعة-في-السعودية> (дата обращения: 04.04.2024).
9. Кириченко В. Положение шиитского меньшинства в Саудовской Аравии: социальный и политический аспекты // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 6 (276). – С. 134–147.
10. Останин-Головня В.Д. Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15 (2). – С. 209–221. DOI: 10.31249/kgf/2022.02.11
11. Saudis Report Broad Support for Mecca Policy: Envoy Says Heads of 40 Nations Nail Tough Stand Against Iranian Rioters // Los Angeles Times. – 1987, August 7. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1987-08-07-mn-1141-story.html> (дата обращения: 04.04.2024).
12. Matthiesen T. Hizbullah al-Hijaz: A History of the Most Radical Saudi Shi'a Opposition Group // Middle East Journal. – 2010. – No. 2. – P. 179–197.
13. Федорченко А.В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос» // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 107–112.
14. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: Центр национального диалога в контексте «этапа реформ» // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2010. – № 5. – С. 303–324.

15. Lacey R. Inside the Kingdom. – New York: Viking, 2009. – 466 p.
16. Second National Meeting: Fighting fanaticism and extremism // The King Abdulaziz Center for National Dialogue. – URL: https://web.archive.org/web/20080119202013/http://www.kacnd.org/eng/second_meeting.asp (дата обращения: 04.04.2024).
17. Текст документа «Партнеры по Отечеству» (نص وثيقة شركاء في الوطن) // Al-Jazeera. – URL: <https://www.aljazeera.net/2004/10/03/2-نص-وثيقة-شركاء-في-الوطن> (дата обращения: 04.04.2024).
18. Denied Dignity: Systematic Discrimination and Hostility toward Saudi Shia Citizens // Human Rights Watch. – 2009, September 3. – URL: <https://www.hrw.org/report/2009/09/03/denied-dignity/systematic-discrimination-and-hostility-toward-saudi-shia-citizens> (дата обращения: 04.04.2024).
19. Shi'a men and teenagers held incommunicado by Saudi Arabian authorities // Amnesty International. – 2009, March 23. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2009/03/shi039a-men-and-teenagers-held-incommunicado-saudi-arabian-authorities-20090323/> (дата обращения: 04.04.2024).
20. Saudi Arabia: Appalling death sentence against Shi'a cleric must be quashed // Amnesty International. – 2014, October 15. – URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2014/10/saudi-arabia-appalling-death-sentence-against-shi-cleric-must-be-quashed/> (дата обращения: 04.04.2024).
21. NGOs Urge Sec. Kerry to Act in Case of Sheikh Nimr al-Nimr // Shia Rights Watch. – 2015, November 15. – URL: <https://shiarightswatch.org/ngos-urge-sec-kerry-to-act-in-case-of-sheikh-nimr-al-nimr/> (дата обращения: 04.04.2024).
22. Inside the Saudi town that's been under siege for three months by its own government // The Independent. – 2017, 4 August. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/saudi-arabia-siege-town-own-citizens-government-kingdom-military-government-awamiyah-qatif-a7877676.html> (дата обращения: 04.04.2024).
23. Косач Г.Г. Саудовская Аравия после «арабской весны»: меняющаяся внутренняя политика // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 97–108.
24. Программа развития человеческого потенциала (برنامج تنمية القدرات البشرية) // Saudi Vision 2030. – URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/vision-2030/vrp/human-capacity-development-program/> (дата обращения: 04.04.2024).
25. Форум по Ираку (ملتقى المرجعيات العراقية) // Всемирная исламская лига (رابطة العالم الإسلامي). – URL: <https://www.themwl.org/ar/forum-of-iraqi-references> (дата обращения: 04.04.2024).
26. Саудовская Аравия: Причина визита Аммара аль-Хакима и встреча с Мухаммадом ибн Салманом вызвали резонанс (سبب زيارة عمار الحكيم ولقاء محمد بن سلمان يثير تفاعلا) // CNN Arabic. – URL: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2022/08/19/ammam-alhakeem-visit-saudi-mbs-meeting-social-reactions> (дата обращения: 04.04.2024).

Статья поступила в редакцию 27.07.2024.

Принята к публикации 10.09.2024.

Ostanin-Golovnya V.D.
The Shia Minority in Saudi Arabia:
The Current Situation

Vasily D. Ostanin-Golovnya,
Research Associate,
Department of the Near and Post-Soviet East,
INION RAN,
e-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

***Abstract.** The article deals with the situation of the Shiite minority in Saudi Arabia. The relevance of studying the problem of interfaith relations in Saudi Arabia is due to the specifics of the development of domestic and foreign policy of the kingdom. Sunni-Shia relations influence the political dynamics of the Middle East both at the country level and at the level of interstate relations. The author pays special attention to the historical aspect, analyzing the roots of the Shia-Wahhabi conflict and the position of the Shia community in the social and political system of Saudi Arabia. The current situation is considered in the context of the development of Iranian-Saudi relations, ongoing regional processes, as well as transformations of the political course and internal reforms of Saudi Arabia.*

***Keywords:** Saudi Arabia; Shia Islam; Sunni Islam; Wahhabism; Sunni-Shia relations; “Shia issue”.*

Бибикова О.П.*
ПРИЧИНЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ СУННИТОВ ИРАКА
(2003–2005)

DOI: 10.31249/rimm/2024.03.06

***Для цитирования:** Бибикова О.П. Причины радикализации суннитов Ирака (2003–2005) // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2024. № 3 (333). DOI: 10.31249/rimm/2024.03.06*

* Бибикова О.П., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр междисциплинарных исследований, ИНИОН РАН, e-mail: olbibikova@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена анализу состояния иракского общества, сложившегося в результате американского вторжения в Ирак в 2003 г. Сделав ставку на шиитов и посулив курдам независимость, американская администрация дискриминировала суннитов под предлогом исключения из общественной жизни членов партии БААС. На деле был создан предлог для травли интеллигенции, среднего класса, а также армейских чинов, который со временем заставил суннитов взяться за оружие и войти в контакт с ИГ.*

***Ключевые слова:** Ирак; сунниты; шииты; курды; американское вторжение.*

Государство Ирак расположено на территории, где с древних времен взаимодействуют несколько цивилизаций и религий. Через Ирак проходит разделительная линия между суннитским и шиитским исламом, а также между арабским, персидским и турецким миром. Именно это придает ему этническую и религиозную уникальность, которая на протяжении многих лет держит этот район в состоянии высокой напряженности.

Конфессиональный аспект является фундаментальной составляющей социокультурной характеристики иракского общества, да и соседних с ним стран. Со времени правления халифа Усмана (644–656) ощущение национальной идентичности уступило место религиозному самосознанию. Внутри суннитской уммы мусульмане Ирака делятся на приверженцев ислама ханифитского толка, признанного главенствующим еще при османской власти, и приверженцев шафиитского мазхаба.

Основная часть населения Ирака состоит из тех, кого называют иракскими арабами, и курдов. Кроме них, здесь проживают туркоманы, ассирийцы, иранцы, армяне и более мелкие подгруппы.

В 2021 г. численность населения Ирака оценивалась в 43,5 млн человек. Примерно от 95 до 98% населения составляют мусульмане, при этом мусульмане-шииты составляют около 55%, а сунниты – менее 40% [1].

Ирак является родиной шиизма. На его территории находится город Кербела, близ которого 10 октября 680 г. произошла знаменитая битва, в результате которой погиб Хусейн, внук Пророка Мухаммеда, и началась история нового направления в исламе – шиизма. Кроме того, здесь находится весьма почитаемый город Наджаф, известный как место захоронения Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата и зятя Пророка. Шииты считают его правед-

ным халифом и первым из 12 имамов. Город является центром па-ломничества шиитов, хотя вопрос о могиле имама до сих пор вызы-ывает споры.

Северо-восток Ирака заселен курдами. Их более 6 млн чело-век, из них 98% сунниты, и 2% шииты – *фейли*. Во времена Сад-дама Хусейна курды подвергались репрессиям. Дело в том, что район проживания курдов на севере Ирака – мухафазы Сулейма-ния, Эрбиль, Халабджа и Дохук – граничит с курдскими районами Ирана и Турции. В 1970-е годы идея объединения этих районов в единое государство беспокоила государства региона. Пытаясь препятствовать реализации этого плана, Ирак предпринял дискри-минационные меры, выселив своих курдов из приграничных рай-онов и создав 100-километровую защитную зону вдоль границ. В 1974 г. 130 тыс. курдов бежали в Иран. Еще 182 тыс. курдов бы-ли убиты в ходе операции «Анфаль» в 1987–1989 гг. [2].

В последние годы среди курдов укрепился зороастризм (*Зардашти* – курдский яз.) – старейшая монотеистическая религия в мире. Переход курдов из ислама в зороастризм объясняется раз-очарованием в исламе после многих лет насилия и репрессий, со-вершенных против них багдадским руководством.

В стране также проживают туркоманы. Их численность со-ставляет до 800 тыс. Большинство из них – сунниты, есть шииты, 30 тыс. туркоманов исповедуют католицизм.

Христиане Ирака – ассирийцы и халдеи – считаются ста-рейшими христианскими общинами в мире. Считается, что хри-стианство появилось в Ираке еще в I в. н. э. Здесь, на Ниневийской равнине, они проживают почти два тысячелетия. Ассирийцы яв-ляются коренным народом Ирака, но их в стране осталось всего 3% населения. Их численность неуклонно сокращается. Если в 1950 г. их было – 5 млн, то ныне – их менее 500 тыс. [3]. В основ-ном они проживают на севере Ирака, в мухафазах Найнава и Да-хук. В ходе истории ассирийцы иногда вынуждено принимали ис-лам. В XXI в. многие бежали из страны.

Халдейская католическая церковь возникла в середине XVI в. в результате унии между Римским Престолом и епископами Ассирийской Церкви Востока. Самым знаменитым ассииро-халдеем был покойный Тарик Азиз (1936–2015), неоднократно занимавший посты министра иностранных дел и премьер-министра в прави-тельстве С.Хусейна (1937–2006). В этническом отношении халдеи – арабизированные ассирийцы.

Кроме того, существуют еще три христианские общины: Сирийская католическая церковь, Сирийская православная церковь, Армянская апостольская церковь. По оценкам, до 2003 г. в Ираке проживало от 1,2 до 1,5 млн христиан; сегодня их насчитывается всего 300–500 тыс., что составляет около 1% населения Ирака [4]. Отъезду христиан из страны способствовали сначала войны, которые вел С. Хусейн: ирано-иракская война (1980–1988), затем вторжение иракских войск в Кувейт (1990–1991), американская экспедиция в Ирак (2003), вторжение и захват ряда территорий Ирака боевиками ИГ. Численность христиан в Ираке резко снизилась после американского вторжения в 2003 г., когда в стране началась гражданская война. Многие христиане предпочли бежать на север страны, где в городе Эрбиль возник лагерь христианских беженцев Анкава [5].

Особо пострадали от боевиков ИГ езиды [6], подгруппа курдов, отличающаяся своими религиозными взглядами, сочетающими элементы христианства, ислама (в том числе суфизма), зороастризма и иудаизма.

В период правления партии БААС в руководстве страной доминировали сунниты. Сегодня суннитов в стране примерно 12 млн человек, т.е. 35% от всех мусульман [7]. Они в основном сосредоточены в центре страны, в так называемом «суннитском треугольнике».

В Ираке религия является основополагающим элементом идентичности, о чем свидетельствует Конституция, принятая 18.09.2005 г. Переходным национальным собранием Ирака и месяц спустя подтвержденная конституционным референдумом. Эти события происходили на фоне присутствия Временной американской администрации и коалиционных вооруженных сил в стране.

Следует отметить, что привычный для нас термин «иракские арабы» не верен. Исследователи-генетики выяснили, что коренными жителями современной Месопотамии являются потомки аккадцев, шумеров, вавилонян и ассирийцев, которые были арабизированы своими соседями, т.е. передали им свой язык и религию. В частности, жители Ирака говорят на арабском месопотамском диалекте¹, который сохранил следы языков предков. Кроме того, ментальность иракцев значительно отличается от ментальности жи-

¹Анализ иракского диалекта арабского языка обнаруживает включение множества заимствований из арамейского, аккадского, персидского, курдского и турецкого языков.

телей Сирии или Аравии. Это особенно заметно в быту бедуинских племен, ведущих полуоседлый образ жизни, которые со времен османской власти обладали оружием и иногда вступали в стычки с соседями. Местные бедуины разводят овец, коз, верблюдов [8].

Исследователи отмечают наличие некоторых черт характера предков у современных иракцев – воинственность, даже жестокость. Сохранению этих качеств способствовала милитаризация общества. С 1936 по 1968 г. в Ираке произошло семь государственных переворотов. То есть семь переворотов за 32 года! Все перевороты были организованы военными. Напомню лозунг Саддама Хусейна: «Сильная экономика, сильная армия и сильное руководство». В период правления С. Хусейна власти уделяли особое внимание к военному образованию. Интересно отметить, что из страны за границу не выпускали мальчиков из смешанных семей (например, навестить родственников, проживающих в другой стране). Считалось, что каждый мальчик в перспективе должен стать воином.

Во времена С. Хусейна сунниты обладали привилегированным положением, хотя в доминировавшей партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения¹) были и христиане и шииты, а также курды.

Однако все они должны были быть лояльны лидеру государства. За пределами страны был чрезвычайно популярен Тарик Азиз, занимавший высокие посты в правительстве С.Хусейна. Ассириец по рождению, относившийся к халдейскому религиозному сообществу, еще в молодости сменил имя Михаил Юханны на арабское, всегда разделял взгляды своего босса. В конце своей жизни он назвал своего младшего сына Саддамом. В Ираке именно сунниты составили костяк государственного аппарата, армейское руководство, они также преобладали среди образованного населения страны.

Саддам Хусейн стал президентом в 1979 г., но уже за несколько лет до этого, сосредоточив в своих руках ключевые посты, он стал лидером государства. После национализации иностранных нефтяных компаний в 1971 г. была проведена модернизация сельского хозяйства. У Ирака образовался валютный резерв в 30–

¹ Партию Арабского социалистического возрождения (в Ираке – БААС, в Сирии – ПАСВ) создали в 1947 г. Мишель Афляк – христианин, Салах ад-дин Битар и Заки Арсузи – мусульмане-сунниты, которые первоначально мечтали создать идеологию, сочетающую элементы ислама и социализма.

35 млрд долл., деньги были потрачены на строительство промышленных объектов. К началу 1980-х годов Ирак стал, наряду с Египтом, наиболее развитым государством арабского мира. Страна занимала 2-е место в мире по запасам нефти. Уровень жизни вырос настолько, что в 1982 г. С. Хусейну даже вручили специальную премию ЮНЕСКО. Но уже в 1990 г. против Ирака были введены санкции.

Саддам Хусейн создал себе репутацию эффективного и даже прогрессивного политика, который якобы сумел объединить Ирак, разделенный по этническому, социальному и религиозному признакам. На самом деле он был чрезвычайно беспощаден к оппозиции, особенно к тем, кто ориентировался на Тегеран.

Развернувшаяся в соседнем Иране шиитская исламская революция заставила Хусейна опасаться возможного восстания иракских шиитов, поскольку усиливавшееся влияние Ирана воспринималась в Багдаде как угроза политической стабильности страны.

Саддам Хусейн стал искать возможность ослабить своего соседа и укрепить доминирующее положение своей страны в регионе. Это стало одной из причин войны между Ираком и Ираном в 1980-х годах. Более того, во время этой войны курдское меньшинство подверглось репрессиям со стороны иракских властей, в частности, в результате симпатий к Ирану, который, в свою очередь, стремился захватить иракскую часть Курдистана.

Эти события привели к обострению общественного противостояния в Ираке, как межконфессионального, так и межэтнического. Военные действия против курдов продолжались до 1993 г. Иракские войска применяли химическое оружие против населения северных провинций.

Иракское вторжение в Кувейт (1991) вновь погрузило страну в глубокую нестабильность. Этот конфликт привел к созданию коалиции нескольких стран против Ирака, после того как ООН приняла решение об экономических и торговых санкциях против Багдада.

В 2002 г. президент Буш-младший причислил Ирак к «оси зла», обвинив его в разработке оружия массового поражения и контактах с террористами. В марте 2003 г. по личному распоряжению президента РФ В.В. Путина в Багдад прилетел бывший премьер-министр России, авторитетный российский политик Е.М. Примаков. Он предупредил о готовящейся операции против Ирака и лично против С. Хусейна, подчеркнув, что в противном случае катастрофа неизбежна. Однако Саддам Хусейн был уверен, что ему ничто не грозит. Три дня спустя американцы без каких-либо решений Совбеза ООН вторглись на территорию Ирака.

Военные действия против иракской армии начались 20 марта и закончились 9 апреля, когда американские войска заняли Багдад. Основная часть багдадского гарнизона была разгромлена в южных пригородах столицы. В этих условиях курды, с которыми американцами была проведена соответствующая работа, включавшая обещания создать отдельное курдское образование, предпочли встать на сторону США. Курдская милиция совместно с американскими десантниками заняла Мосул и Киркук. С их помощью коалиционные войска смогли установить контроль над крупнейшими городами страны всего за три недели, почти не встречая сопротивления, ибо в иракской армии царил хаос.

Американцы также сделали ставку на шиитское население, предполагая, что шииты, чьи интересы правительством Хусейна долгое время игнорировались, оценят «великодушные» США. Но они забыли, что шииты Ирака всегда ориентировались на своих шейхов, которые были в постоянных контактах с шиитским духовенством Ирана. Еще в 1960 г. группа иракских религиозных деятелей создала шиитскую партию Да'ва¹, которая ставила своей целью создание исламского государства в Ираке. Манифест этой партии был написан Мухаммедом Бакиром ас-Садром (1935–1980), представителем старинного рода (ливанского происхождения), давшего шиизму нескольких аятолл. В результате систематической дискриминации суннитов, а также репрессий против курдского населения недовольство среди шиитов росло. Особенно их возмущал запрет на проведение традиционных мероприятий, например, траурного шествия в память о гибели имама Хусейна в первой декаде первого месяца мусульманского лунного календаря Мухаррам в священных шиитских городах. В 1977 г. десятки тысяч активистов Да'ва, вопреки запрету, провели этот обряд, что привело к крупномасштабным репрессиям, приведшим к жертвам.

Через год после шиитской революции в Иране ас-Садр опубликовал книгу в поддержку Исламской революции в Иране, призвав иракских шиитов последовать примеру народа Ирана. Он был схвачен и казнен иракскими властями. В ответ уже в 1982 г. в Ира-

¹ Да'ва – партия исламского призыва – партия радикально-шиитского толка. Первоначально возникла в 1950-е годы для борьбы со светской формой правления. В 1980-е годы партия поддержала Исламскую революцию в Иране.

не был создан «Высший совет исламской революции в Ираке», объявивший своей целью свержение просуннитского режима Ирака.

* * *

Реформы, инициированные главой Коалиционной временной администрации в Ираке Полом Бремером, привели к тому, что действительно значительную часть новой политической элиты страны, на которую опирались американцы, составили шииты. Согласно новой Иракской Конституции 2005 г., премьер-министром страны (конституционно ключевая должность) должен был быть шиит, президентом – курд, а председателем парламента – суннит. Можно предположить, что в качестве модели был взят пример Ливана, но сами ливанцы считают, что подобная модель ущербна. Однако такой проект, якобы основанный на принципе плюрализма и консенсусе трех этнорелигиозных общин иракского общества: иракцев-шиитов, иракцев-суннитов и курдов, был навязан Ираку Вашингтоном. Одновременно был принят закон о создании Совета выборщиков – 1 на 100 тыс. человек [9].

16 мая 2003 г. вступил в силу Приказ №1 «Дебаасификация иракского общества», т.е. введение комплекса мероприятий, направленных на отстранение от должностей членов иракской партии БААС, которая была объявлена вне закона. Все ее члены, в том числе рядовые, были лишены возможности работать на государственной службе и занимать прежние должности. «Миллионы людей в оккупированном Ираке оказались без средств к существованию. Это были не только сотрудники силовых структур. Из-за номинальной принадлежности к БААС безработными в одночасье оказалось множество врачей, учителей, инженеров, университетская профессура. Таким образом, стало очевидно, что американцы собираются строить демократию в Ираке, опираясь на курдов и шиитов, что со стороны выглядело недальновидным заигрыванием. Недовольство суннитов и бывших членов БААС в итоге вылилось в мощное повстанческое движение, которое противостояло американцам и новым властям» [10].

Как известно, именно сунниты составляли численное большинство среднего класса и занимали высокопоставленные должности при С. Хусейне. В новых условиях именно среди суннитов активизировались салафитские течения, которые резко отличаются от традиционных националистических течений. Таким образом, американская администрация, поставив суннитов в унизительное

положение и приравняв их к другим меньшинствам, способствовала подъему исламского радикализма. Отметим также, что разоружить иракскую армию полностью не удалось.

После 2003 г. столкновения между суннитами и шиитами стали почти ежедневными. Так начиналась гражданская война, которая в тот период приобрела характер этнических чисток: общины все чаще объединялись в отдельные кварталы, в городах с преимущественно суннитским населением стали возникать отряды самообороны.

Конституция, принятая в 2005 г. на референдуме, ввела федерализм как новую форму государства с консоциативной демократией [11]. Целью последней было обеспечить широкое участие в принятии решений всех религиозных и этнических компонентов страны (шиитов, суннитов и курдов). Для успешной реализации модели консоциативной демократии, целью которой было достижение политической стабильности, требовалось добиться сотрудничества элит, представляющих разные сегменты общества. Однако в начале 2000-х годов элиты еще не достаточно созрели для реализации консоциативной модели. В Ираке предлагаемые механизмы не сработали.

Выбор иракского федерализма был продиктован, по сути, курдским вопросом. Он позволил признать этот регион на севере страны автономным, а курдские языки (*курманджи* и *сорани*) были признаны официальными наряду с арабским. Это стало новым поворотным пунктом в отношениях между центральным правительством и курдской общиной.

Оценивая сложившуюся ситуацию Пьер-Жан Луизар, директор по исследованиям в CNRS (Париж), отметил: «Политический кризис в Ираке не связан с каким-либо конкретным правительством, но он является частью непреодолимого системного кризиса» [12].

Американское правительство, искавшее союзников, чтобы заполнить вакуум после падения режима Хусейна, обратилось к авторитетным шиитским деятелям, однако уже скоро должностные лица администрации президента Буша были вынуждены признать, что они недооценили организационное единство шиитов. Оказалось, что за Верховным советом Исламской революции (ВСИР) в Ираке, ведущей группировкой иракских шиитов, стоит правительство Ирана. Попытки наладить контакт с представителями ВСИР вызвали недоумение в арабском мире, так как укрепление позиций шиитов в Ираке открывало новые возможности для шиитской пропаганды во всем регионе.

П. Бремеру, главе Коалиционной временной администрации в Ираке (2003–2004), уже скоро стало ясно, что ставка исключительно на шиитов ущербна. Американцы наконец поняли, что этноконфессиональная мозаика в Ираке чрезвычайно сложна. Из США были затребованы специалисты по Ираку, которые указали коалиционному руководству на ошибочные расчеты. В Ирак прибыла группа этнологов, но механизм гражданской войны уже был запущен.

И здесь надо отметить разницу ментальности иракских шиитов и суннитов. Долгие годы, находясь под угрозой репрессий, иракские шииты выработали особый стиль поведения, основанный на многовековом опыте. В шиизме есть понятие *такыйда*¹. Предполагается, что в случае угрозы жизни верующий может проявить благоразумие, скрывая свои истинные взгляды. Это принято у исмаилитов, алавитов и друзов, но при определенных обстоятельствах может практиковаться и другими направлениями шиизма. Таким образом, мусульманин-шиит мог прикинуться светским человеком, но на деле оставаться приверженцем своей религии. В этих условиях авторитет шиитского духовенства по-прежнему оставался для него по-прежнему непререкаемым.

Уже в 2003 г. под руководством религиозного деятеля Муктады ас-Садра² шииты создали свое полувоенное формирование – Армию Махди, которая стала одной из ключевых дестабилизирующих сил в Ираке.

Что касается суннитов, то они более раздроблены, ибо у них авторитетом является шейх племени. Поэтому и американская администрация и ваххабиты, которые воспользовались иракской смутой для вербовки своих адептов, сделали ставку именно на племенную верхушку.

Как правило, возникающие суннитские группировки отражали интересы той или иной провинции. Так, в провинции аль-Анбар возникло суннитское движение, известное как Совет спасения Анбара, во главе с вождем племени Дулейм³ Ахмедом абу Риши.

¹ Аналогичный принцип существует в других религиях. Например, *reservation mentalis* (лат. яз.) – мысленная оговорка в католицизме.

² Муктада ас-Садра – 1974 г. р. – выходец из известной религиозной семьи ливанских шиитов, обосновавшихся в Иране. Двоюродный брат Мусы ас-Садра, основателя ливанского движения Амаль.

³ Дулейм – федерация *суннитских племен* численностью около 3 млн человек, располагающаяся в провинции аль-Анбар на западе Ирака.

В 2007 г. американцам удалось создать суннитское ополчение «ас-Сахва» (пробуждение). Однако преодолеть напряженность в отношениях между властью и суннитскими общинами было практически невозможно. Впоследствии Д. Корантен, французский исследователь, писал: «Преданные властями и военными США, не получив обещанных должностей в армии, племенные вожди, выступавшие против исламистов в 2007–2008 гг., выбрали радикализацию. Даже шейхи, не разделяющие ригористическую салафитскую идеологию, видят в союзе с ИГ новую возможность для борьбы с властью Багдада» [13].

Тем не менее шейхи племен часто занимали неустойчивую позицию, периодически меняя свою точку зрения. В связи с этим показательна судьба Насера Абдель Карима аль-Мухлифа, наиболее влиятельного шейха племени *аль-бу Фахд*, которое доминировало в районе ар-Рамади¹. До 2006 г. он был университетским профессором, но по закону о дебаасизации был уволен из университета. Шейх Мухлиф вместе с религиозным деятелем Мухаммедом Махмудом Латифом организовал отряды сопротивления «Бригады революции 1920 г.». Однако к 2005 г. он, «устав от насилия», установил контакты с американской военной разведкой и даже решил участвовать в парламентских выборах 2005 г. В отместку боевики «Аль-Каиды» организовали в январе 2006 г. его ликвидацию [14].

Как отмечает российский исследователь А.А. Кузнецов, «когда в 2014 г. началась экспансия ИГ, союзники США и Багдада из племени Фахд были фактически преданы. Таким образом, можно говорить не о “восточном коварстве”, а об измене со стороны Вашингтона, бросившего на произвол судьбы своих союзников. По словам члена городского совета Рамади Хасалья аль-Фахдауи, “США сыграли постыдную роль. В 2015 г. они заверяли нас, что Рамади не падет, они придут на помощь своими войсками. В то же время зарплата ополчению не выплачивалась Багдадом четыре месяца. Когда наши бойцы увидели, что помощь не приходит, а многие фахдауи (члены племени Фахд) сотрудничают с ИГ, началось дезертирство...”» [15].

Очевидно, что американцы сделали ставку на шиитов и курдов, полагая, что накопленное за время правления БААС недовольство станет предпосылкой для осуществления целей США. Любопытно отметить, что в обвинительном приговоре, в соответствии с которым С. Хусейн был казнен, не были упомянуты развя-

¹ Ар-Рамади – административный центр провинции аль-Анбар.

занные им войны, речь шла только об убийстве 148 шиитов, подозревавшихся в причастности к попытке убийства главы государства.

Анализируя действия США в Ираке, арабская печать с удивлением отмечала, что, опираясь на шиитов, американцы практически поддерживали Иран, который искал союзников именно среди иракских единоверцев. Повышение авторитета шиитской общины в Ираке (несмотря на существующие разногласия между духовными лидерами Ирака и Ирана) способствовало, сближению шиитов обеих стран.

Свои действия в Ираке, США аргументировали необходимостью покончить с распространением оружия массового поражения, международным терроризмом и тиранией в Ираке. Впоследствии выяснилось, что оружия массового поражения у Саддама Хусейна нет и никогда не было. Очевидно, что эти «аргументы» были рассчитаны лишь на массовую аудиторию. На самом деле предполагалось ликвидировать иракскую государственность и раскачать ситуацию в других странах региона, разрушить неподконтрольно США развивавшиеся интеграционные процессы на Ближнем Востоке.

В 2003 г. в Ирак прибыл Ахмед аз-Заркауи, иорданец, лидер радикальной группировки «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад» (Община единобожия и джихада), ранее воевавший в Афганистане и имеющий обширные связи с арабскими радикалами, вплоть до Усамы бен Ладена. С этого времени в Ираке начали регулярно происходить нападения на видных шиитских деятелей, взрывы в шиитских мечетях и т.п. Люди, входящие в группировку подозревались в организации множества террористических актов, в том числе похищений иностранцев, подрывов автомобилей иракцев, сотрудничающих с американцами и новой иракской администрацией в Ираке.

В 2004 г. «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад» присоединилась к «Аль-Каиде» и стала называться «Аль-Каидой в Ираке». В октябре 2006 г., после гибели аз-Заркауи и слияния с другими радикальными исламистскими группировками, организация получила новое название – «Исламское государство Ирак»¹.

Впоследствии о возникновении организации «Исламское государство Ирак» писала независимый саудовский ученый, писатель и антрополог Май Йамани²: «Почти с момента падения Саддама

¹ Запрещено в РФ.

² Май Йамани (يماني مي) – саудовский ученый, писатель и антрополог (1956 г. р.), дочь бывшего саудовского министра нефти Ахмеда Заки Йамани (1930–2021).

саудовские / ваххабитские джихадисты почти беспрепятственно хлынули в Ирак... Мусульмане, поддерживавшие проект демократизации Ирака, [широко] подозревали, что суннитское сопротивление, сопровождавшее гражданскую войну в Ираке, финансировалось за счет нефтяных денег Саудовской Аравии» [14].

Обычно, когда обсуждают трагедию Ирака, политологи говорят об ошибках американских политиков и военных, которые опирались на непроверенные данные о якобы наличии в Ираке биологического оружия. Это признал и глава Госдепартамента США Колин Пауэлл, который ранее, 5 февраля 2003 г., на СовБезопасности ООН заявил о наличии у режима Хусейна химического оружия. В качестве доказательства он даже продемонстрировал пробирку с белым веществом, сообщив, что это и есть образцы ОМУ. Весной 2004 г. в прямом эфире телеканала Эн-би-си во время телемоста Иордания–Вашингтон он назвал эти данные не просто «неточными и неверными, даже намеренно дезинформирующими» [15].

На самом деле информация о наличии биологического оружия в Ираке была предлогом для вторжения в страну. Одним из результатов этого вторжения стало разграбление Ирака. Искусствоведы, археологи и музейные работники сетуют по поводу того, что «в 2003–2004 гг. из страны было вывезено 130 тыс. культурно-исторических ценностей (при этом 90 тыс. принадлежащих Ираку археологических артефактов оказались в США) [16].

Бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр в своем интервью телеканалу CNN в октябре 2015 г. принес свои извинения «за ошибки в войне и признал, что есть доля правды в том, что вторжение США и их союзников в 2003 г. в Ирак стало одной из основных причин появления ИГИЛ» [17].

Таким образом, разрушение иракской государственности стало одной из причин радикализации суннизма и зарождения «Исламского государства», в ряды которого вступили не только представители суннитской общины, но и некоторые племена Юго-Запада Ирака. Впоследствии деятельность этой организации распространилась на соседнюю Сирию, где также нанесла большой урон этой стране.

Никто из западных лидеров не задумался о том, что дискриминация суннитов Ирака на самом деле была ударом по государственности страны. Именно они были стронообразующим элементом иракского общества. Удастся ли преодолеть раздор между этноконфессиональными общинами? Возможно, для этого понадобятся долгие годы...

Война в Ираке была инициирована США не только с целью перераспределить природные ресурсы, сократить «избыточное» на-родонаселение на Ближнем Востоке, но и стереть следы предшес-твующих культур и цивилизаций Древнего Востока. На самом деле в Ираке произошло целенаправленное уничтожение и разграбление исторических и культурных ценностей государств древней Месопотамии. Кроме военнослужащих в Ирак из США прибыли специали-сты, оснащенные каталогами иракских музеев и картами раскопок. Из страны вывозились многочисленные артефакты, а то, что невоз-можно было вывезти, разрушалось на месте. Таким образом, за дей-ствиями командования коалиционных сил по имитации «построения демократии» в стране осуществлялось уничтожение исторической памяти не только Ирака, но и всего человечества.

Р.С. 28 сентября 2024 г. на спецбрифинге представитель ва-шингтонской администрации заявила, что США через год «завершат международную операцию “Непоколебимая решимость” против тер-рористической группировки “Исламское государство” на территории Ирака». Однако это не означает, что США покинут Ирак [18].

Список источников

1. Religion in Iraq // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Religion_in_Iraq (дата обращения: 12.03.2024).
2. Хроники смутного времени. Операция «Аль-Анфаль» – URL: https://radio_mohovaya9.tilda.ws/hroniki_iraq (дата обращения: 15.03.2024).
3. Les minorités au Moyen-Orient: l'éternel recommencement? // Middle East Eye édition française // URL: <https://www.middleeasteye.net/fr/opinion-fr/les-minorites-au-moyen-orient-leternel-recommencement> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Dans les camps de réfugiés des chrétiens d'Irak. – URL: https://www.lepoint.fr/monde/dans-les-camps-de-refugies-des-chretiens-d-irak-14-12-2014-1889559_24.php (дата обращения: 14.02.2024).
5. OBSERVATOIRE GÉOPOLITIQUE DU RELIGIEUX. LA DIVERSITÉ RELIGIEUSE EN IRAK – URL: <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2021/06/Obs-Géopo-du-religieux-La-diversité-religieuse-en-Irak.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).
6. Кочоян Дж. Современный Ирак как совокупность квазигосударств (27.06.2016). – URL: <https://topwar.ru/97252-sovremennyy-irak-kak-sovokupnost-kvazigosudarstv.html?ysclid=ltlruxobf261407746> (дата обращения: 12.03.2024).
7. Иракский арабский народ с трудной судьбой: где и как живут. – URL: <https://travelask.ru/articles/iraktsy-arabskiy-narod-s-trudnoy-sudboy?ysclid=lu3xtek0sg572891903> (дата обращения: 14.02.2024).
8. Сапронова М.А. Конституция Ирака одобренная на всеобщем референдуме 15 октября 2005 года: структура, основные положения, особенности. – URL:

<http://www.iimes.ru/?p=3890&ysclid=lu40ff10n0256973347> (дата обращения: 18.03.2024).

9. К каким последствиям привело американское вторжение в Ирак // RT на русском. Дзен. – URL: <https://dzen.ru/a/ZBhAtZcCO0lQp0AG> (дата обращения: 18.03.2024).
10. Консоциативная демократия. Демократизация. – URL: https://ozlib.com/866347/sotsium/konsotsiativnaya_demokratiya (дата обращения: 12.03.2024).
11. Entretien avec Pierre-Jean Luizard – La crise du système politique irakien (19.10.2021). – URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Entretien-avec-Pierre-Jean-Luizard-La-crise-du-systeme-politique-irakien.html> (дата обращения: 12.03.2024).
12. Yamani M. We are no longer all Americans // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2006/sep/07> (дата обращения: 02.04.2024).
13. Corentin D. Les sunnites d' Irak au coeur des crises depuis 2003 l'analyse par les cartes (29.12.2014). – URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-sunnites-d-Irak-au-coeur-des-crises-depuis-2003-l-analyse-par-les-cartes.html> (дата обращения: 02.04.2024).
14. Кузнецов А.А. О раскладе сил среди суннитских племен Ирака. Часть 2 // Институт Ближнего Востока. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=38377> (дата обращения: 12.03.2024).
15. Колин Пауэлл покаялся в прямом эфире // Известия (18.05.2004). – URL: <https://iz.ru/news/290039> (дата обращения: 06.04.2024).
16. Боевые действия в Ираке. Вторжение США в Ирак (2019). – URL: <https://www.sofida.ru/boevye-deistviya-v-irake-vtorzhenie-ssha-v-irak.html> (дата обращения: 12.03.2024).
17. Тони Блэр извинился за войну в Ираке // Коммерсантъ (25.10.2015). – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2840518> (дата обращения: 10.03.2024).
18. США объявили об окончании миссии в Ираке. // Caliber.Az (24.09.2024). – URL: <https://caliber.az/post/ssha-obyavili-ob-okonchanii-missii-v-irake> (дата обращения: 28.09.2024).

*Статья поступила в редакцию 29.08.2024.
Принята к публикации 14.09.2024.*

Bibikova O.P.
Reasons for the Radicalization
of Sunni Muslims in Iraq

Olga P. Bibikova,
PhD(Hist.), Senior Research Associate,
Center for Interdisciplinary Research,
INION RAN
e-mail: olbibikova@mail.ru

***Abstract.** The article analyzes the state of Iraqi society that emerged as a result of the American invasion of Iraq in 2003. Having placed its bets on the*

Shi'ites and promised independence to the Kurds, the American government discriminated against the Sunnis under the pretext of social exclusion of the members of the Ba'ath Party. In fact, a pretext was created for persecuting the intelligentsia, the middle class, and army officials, which eventually forced the Sunnis to take up arms and get in contact with ISIS.

Keywords: *Iraq; Sunnis; Shi'ites; Kurds; American invasion.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Филоник А.О.* АРАБСКАЯ ЖЕНЩИНА: ОТ СТАРЫХ ДОГМ К НОВЫМ РЕАЛИЯМ (Часть 2)

DOI: 10.31249/rimm/2024.03.07

Для цитирования: Филоник А.О. Арабская женщина: от старых догм к новым реалиям (Часть 2) // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2024. № 3 (333). DOI: 10.31249/rimm/2024.03.07

Аннотация. Основу мусульманской общины составляет семья, и Ислам изначально призывает мусульман крепить эту главную опору своего бытия в сложном окружающем мире преумножением своих рядов, как залога успехов и процветания. Веками эта истина закреплялась в сознании и стала неотъемлемой частью представлений, которые воспринимались многими поколениями, как руководство, регулирующее семейный быт и строй, а также место в нем женщины и определяющее ее роль и функции на демографическом векторе. Сходный комплекс проблем тесно сопрягается с явлениями, которые сопровождают жизнь женщины уже в современном египетском обществе. В жизни женщин в семье и браке все еще очень многое подчинено традиционализму, который во многих отношениях мало отвечает современным взглядам на роль женщины в быту и вне дома и вступает в противоречие с курсом на модернизацию страны. В свете этих императивов анализируются некоторые современные аспекты положения женщин в египетском обществе, трактовки их прав в рамках правовых брачных норм и традиций, отно-

* Филоник А.О., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, e-mail: fao44@mail.ru

© Филоник А.О., 2024

шение власти к проблеме места и роли женщины в обществе. Оценены позиции государства по вопросам семейной и общественной нравственности. Рассмотрены подход к расширению женской занятости в экономике и обстоятельства, вынуждающие массы женщин полностью погружаться в работу по дому.

Ключевые слова: *Аль-Азхар; брак; информационно-коммуникационные сети; женщины; заочный развод; ранние браки; общество; рождаемость; президент; семья; терпимость.*

Египетская женщина: долгий путь к равенству

На фоне разворачивающихся в современной египетской действительности процессов в обществе и во власти растет обеспокоенность живучестью сознания, отрицающего признание за женщинами права на выбор своего места в социуме сообразно с их представлениями о своем месте в нем и собственным видением своего будущего, сообразно со способностями, талантом и призванием, оставаясь при этом матерью и женой, выполняющей присущие ей функции. Однако и сегодня трудно переступить границы уклада расширенных семей, который исторически уготовил женщине заранее предсказанный путь служения семье и роду.

В стране сохраняется немало ригористов, готовых защищать свои взгляды, но не готовых отстаивать их публично в надежде на живучесть домостроевских устоев, отчасти, может быть, понимая, что их идеалы не вечны и будут отвергнуты временем, даже если сторонники патриархального бытия будут бурно протестовать против новых веяний, тем более уже проросших в новой социальной и политической среде.

Пока традиционное и современное начала уживаются в едином русле, в котором развивается женская инициатива, с одной стороны представленная группами активисток, олицетворяющих будущее более весомой части женского населения, а с другой – конкурирующими слоями женщин, которые довольствуются своим нынешним образом жизни и рассматривают свой удел, как естественный способ существования.

На таком фоне западные структуры типа USAID, ссылаясь на египетские источники, признают, что в стране остается много препятствий к тому, чтобы констатировать равенство полов, учитывая масштабы гендерного разрыва и такие факторы, как насилие по отношению к женщинам, высокие темпы роста населения и

значительный уровень бедности. В других трактовках к негативным моментам относится все еще минимальная доля женщин, работающих в госаппарате или занятых в крупном бизнесе [1]. По этой причине в документах циркулируют показатели, фиксирующие место Египта в последней трети списка обследуемых государств. В частности, в начале второго десятилетия века Египет занимал по всем показателям 134-е место среди 153 государств. С небольшим временным интервалом Глобальный индекс гендерного разрыва на 2021 г. отвел Египту 129-е место среди 156 государств. При этом, по показателям участия в экономике и перспективным возможностям, египтянки были отнесены на 146-е место из 156. И только 18% женщин в трудоспособном возрасте были заняты в экономике, по сравнению с мужчинами, доля которых составляет 75% [2]. При этом, по данным на 2022 г., индекс гендерного разрыва в Египте находился на уровне 0,64, оставшись в рамках предшествовавшего года [3].

Но если рассматривать положение дел в стране с точки зрения приобретения женским полом со временем новых социальных характеристик, то ситуация здесь с определенными допусками может квалифицироваться как, в общем, удовлетворительная, если учитывать перспективы в сфере высшего и специального образования, которые открываются перед женщинами.

Имеются и региональные свидетельства продвижения представительниц женского пола по социальным лифтам. Во всяком случае, Египет, по данным на 2021 г., занял четвертое место среди 19 стран БВСА с общим результатом 0,639, опередив целую группу родственных стран. Даже аравийские монархии отстают в этой области от Египта, поскольку только с недавних пор стали ослаблять ограничения, ущемляющие свободу женщин [4].

Достижения Египта, ставшие заметными, но еще пребывающими в далеко не завершенной стадии, требуют развития и становятся ведущими в публичных выступлениях президента Абдель Фаттаха ас-Сиси, которые находят широкий отклик. Они действительно отражают озабоченность власти положением женщин, которые на настоящем этапе формируют растущую социальную силу, продемонстрированную событиями «арабской весны». И это обстоятельство наталкивает на мысль, что государство ожидает более существенных результатов от пробуждения женщин и закрепления их положения, как реальной гражданской силы, способствующей углублению начавшегося процесса. Хотя власть должна отчетливо видеть, что новая фаза в развитии женского самосозна-

ния, даже получившего серьезный импульс, все же во многом остается только преддверием выхода на новый уровень политического взросления, которое должно вывести достаточно большую часть женщин за рамки их предопределенного традицией брака и места внутри такой же традиционной семьи.

Неустойчивое положение женского сообщества в политическом пространстве Египта отражает тот факт, что в обществе сохраняются множественные болевые точки, которые имеют конкретные экономические, социальные и гендерные привязки и порождают серьезные противоречия, мешающие женщинам оценить свое значение как гендера, имеющего все гражданские права и способного играть самостоятельную роль в жизни государства и общества, а не быть объектом насилия и издевательств со стороны сильного пола.

Поводом к одному из наиболее ярких выступлений президента ас-Сиси по женской проблеме стали «свидетельства нападок на женщин вплоть до открытого их унижения, демонстраций враждебности в их адрес и даже применения силы, что происходит вопреки национальным представлениям о цивилизованности, морали и терпимости, которые не допускают подобное». Президент подчеркнул, что такие случаи не редкость и больше должны быть свойственны «кочевникам и экстремистам с их глубоким пренебрежением к женщине» [5].

Этой логике потворствуют информационно-коммуникационные сети. Они развращают сознание людей, особенно молодежи, картинками и событиями, которые побуждают последних к поступкам, идущим вразрез с официальной пропагандой, распространяя картины морального разложения.

Настоящие покушения на нравственность поддерживаются социальными сетями, разлагающими население нескромными сценами, подобными произошедшему на мосту Ас-Сахиль с участием молодой пары в январе 2023 г. Инциденты подобного рода не единичны и противоречат государственной политике, которая «призывает к терпимости, солидарности, достоинству и стремится повысить культурный и эстетический уровень общества, как силы, противостоящей аморальной волне, заполнившей коммуникационные платформы» и подрывающей целостность семьи и уничтожающий женщин [6].

Прямым следствием такой идеологии становится практика, при которой и сегодня египтянин без ведома жены может заочно расторгнуть брак, на законных основаниях нарушать ее юридиче-

ские и имущественные права. В этих обстоятельствах только введение в бракоразводную практику более жестких правил может запретить бесконечное унижение женщин и защитить права детей [5].

В этих условиях в силах государства и высших органов власти принять законы, которые должны начать работать уже сегодня и мобилизовать религиозных деятелей и лидеров общественного мнения на создание условий, гарантирующих восстановление достойного отношения к женской части общества.

Между тем самое большое и опирающееся на традицию зло для женщины видится в заочном разводе. Вопрос этот достиг апогея, поскольку даже президент высказался в том духе, что женщина «не вещь, с которой можно обходиться по усмотрению хозяина, чего не позволяли себе даже древние бедуины». Тем не менее пережитки сохраняют силу во множестве случаев, и если не прямо, то косвенно. Формально, по закону, у женщины есть возможность возбудить дело против мужа по встречному иску, но этот ход сопряжен с большими расходами и нравственными потерями. Ныне эти нормы «отвергаются, как непригодные по форме и содержанию». И главное лицо страны привлекает к ней внимание Аль-Азхара, который, как признанный в исламском мире авторитетный религиозный институт, не должен устраниваться от того, чтобы удерживать мужа от попраiania достоинства жены, ограничивать ее материально и в социальном плане, а после развода продолжать эксплуатировать ее в своих интересах, пользоваться ее финансами и не отвечать за подобное мошенничество [5].

Ситуация побудила президента поставить перед обществом конкретный вопрос: каким образом большинство арабских стран опередило АРЕ с юридической точки зрения, приняв закон, который не признает этот вид развода, и как могло случиться, что Египет при всем стремлении модернизировать экономику и социальную сферу отстает от родственных стран в юридических и культурных вопросах, регулирующих эту среду?

Помимо весьма специфического вида развода, в египетской брачной практике есть и форма в виде условного, или неофициального, брака, который в народном сознании нередко воспринимается как прикрытая законом неформальная связь, сопровождаемая малозначащими брачными формальностями, которые не затрагивают имущественные и иные отношения между супругами. Практика весьма распространена в Египте и позволяет сглаживать требования морали, которые в обществе еще массово сохраняются

и вызывают если не осуждение, то, во всяком случае, неодобрение по поводу облегченных контактов между полами [7].

Нормальное функционирование такого брака едва ли возможно, поскольку женщина в сомнительном семейном союзе просто обречена превратиться в прямой объект эксплуатации, что, в принципе, нередко встречается и среди пар, состоящих в зарегистрированных браках. Они могут фиксироваться повсюду, чаще в семьях с низким уровнем жизни, где терпимы и домашнее насилие, и домогательства, и иные случаи дурного обращения с женщинами.

Отдельное место в нарушении прав женщин принадлежит нелегальным операциям с калечащими последствиями. В Египте женское обрезание трактуется как наиболее острая проблема медицинского и нравственного порядка. Она имеет длительную историю и, видимо, сохранится и на будущее, хотя в 2021 г. государство ужесточило наказание за незаконное вмешательство в здоровье девочек и женщин [8].

Однако применению санкций препятствует скрытое сопротивление более ригористично настроенной части общества, влияние традиции и масштабы явления, которые игнорируют негативные последствия для взрослой жизни женщины в угоду мужскому гендеру.

Государство усиливает пропагандистский нажим на наиболее консервативно настроенную мужскую часть населения, которая мешает женщинам вырваться из узкого круга домостроя, обрекающего их на испытания в браке, при разводе, в вопросах опеки. Одновременно ведется работа через женские организации и гражданские общества, которые пытаются расшатывать женскую инертность. Однако увещательные меры государственного и даже религиозного воздействия чаще пропадают втуне, сталкиваясь с экономическими, социальными и поведенческими стереотипами, которые в большом числе случаев разрушают волю женщин.

Примером могут служить ранние браки, которые ныне криминализованы и трактуются как совершенно неприемлемые положениями Конституции, двух серьезных законов и нескольких фетв Дар аль-Ифтаа. И тем не менее продолжают оставаться «настоящей бедой египетского общества» [8].

По официальным египетским данным, статистика ранних браков в стране не снижается, достигая не менее 117 тыс. в год, что составляет около 40% всех браков (на 2017 г.). Почти наполовину контингент прежде срока «брачующихся» образован негра-

мотными, особенно девочками из беднейших слоев, составляющих 30% населения страны, а роль «рассадника» этого явления принадлежит нескольким городам провинции Бухейра [9].

Египет предпринимает точечные меры для противодействия этому явлению. Но при этом есть убежденность, что широкая модернизация производительных сил на техническом и гуманитарном направлениях может стать лучшим средством побуждения людей обоего пола к новой жизни в условиях индустриализации производства и приобщения масс к интеллектуальным формам труда.

Но одного этого недостаточно для корректировки и согласования экономической, социальной и демографической динамики. Только здоровое взаимодействие между полами, при котором они могут оказывать взаимное влияние друг на друга и выстраивать отношения по вопросам, определяющим характер общения народа с властью, будет способствовать повышению продуктивности действий государства и целенаправленно решать проблемы не только общего, но и гендерного плана.

Продвигаясь ныне на этом векторе, Египет, если и не взрывает обстановку, то, во всяком случае, готовит почву для расширения альтернативных традиционным вариантам семейных отношений, которые будут выравнивать семейный пейзаж и проникать в межличностное пространство с переносом этого момента на всю модель гендерного устройства общества, корректируя и обновляя его. Эта констатация лишь подтверждает наличие пространства, в котором египетское общество будет, скорее всего, развиваться и далее, и оно отнюдь не является безальтернативно ущербным, с точки зрения целостности и устойчивости института брака, по крайней мере, в той части, которая сформирована социально и культурно продвинутыми парами, хотя и таковые не обязательно являются идеалом высоконравственного гендерного сосуществования.

Современный тип брака привился, но по отдельным показателям находится на разных стадиях зрелости. Это сложный процесс, который развивается естественным путем преимущественно за счет новых поколений, склонных к копированию общепризнанных форм брака. Подобная тенденция облагораживает семью, но одна эта тенденция не дает особых оснований считать, что традиционный дискурс на соседних площадках изменится в пользу оптимального варианта брака, в короткой перспективе превратив все брачное пространство в гомогенное.

Государство же добивается именно такой эволюции, полагая, что смена курса и замещение расширенных семей нуклеарными приведет к сокращению рождаемости до максимум двух детей в семье и предотвратит развал имеющейся для поддержания жизнеспособности общества инфраструктуры.

Египту еще предстоит преодолеть череду сложных ограничений, которые разрывают связь между демографическими показателями, с одной стороны, и экономическим и социальным прогрессом – с другой. На текущем этапе демографический фактор в виде высокой рождаемости явно преобладает над другими показателями и является самым уязвимым звеном в планах модернизации страны, проблема населения в которой была впервые осознана в начале 60-х годов прошлого века.

В свете изложенного можно предположить, что, если исключить какие либо чрезвычайные обстоятельства локального или глобального уровня, Египет все-таки имеет определенные шансы развиваться поступательно и, в принципе, приемлемыми темпами, преодолевая регулярные трудности и проблемы, которые будут видоизменяться в той или иной степени, но будут постоянно накапливаться, сдерживая его усилия, имеющие целью полноценное вхождение страны в круг индустриально развитых государств с претензией на встраивание в кибернетическую эпоху, приметы которой просматриваются в нынешних египетских реалиях и в будущем могут сулить выгоды для общества, в том числе и для женской его половины.

Список источников и литературы

1. Promoting Gender Equality and Women's Empowerment // USAID. – URL: <https://www-2021.usaid.gov/egypt/gender-equality-and-womens-empowerment> (дата обращения: 15.07.2023).
2. Promoting Gender Equality and Women's Empowerment. – URL: <https://www.usaid.gov/egypt/gender-equality-and-womens-empowerment#:~:text=In%202021%2C%20Egypt%20ranked,compared%20to%2075%25%20of%20men> (дата обращения: 21.07.2023).
3. Gender gap index in Egypt 2016–2022 // Statista. – URL: <https://www.Statista.com>statistics>gender-gap-index-i> (дата обращения: 11.06.2023).
4. Egypt Human Development Report 2021 // Renaissance of Egyptian women: Leading roles and societal contribution. – Chapter 4. – P. 174.
5. Аль-Кассас Амани. Заочный развод. أماني القصاص طلاق غيابي (27.03.2022). – URL: <https://gate.ahram.org.eg/News/3455775.aspx> (дата обращения: 12.11.2023).

6. *Сабит Аляа*. Пространства общения, духовные ценности и сокрытые помыслы. (6 يناير 2023) . منصات التواصل وقيم التسامح والستر – URL: <https://gate.ahram.org.eg/daily/NewsQ/883646.aspx> (дата обращения: 06.01.2023).
7. Canada: Immigration and Refugee Board of Canada, Egypt: Process for applying for divorce for women who were married in the Muslim community, including laws, difficulties and obstacles (2004–December 2013), 23 December 2013, EGY104705.FE. – URL: <https://www.refworld.org/docid/53c4d6a74.html> (дата обращения: 15.09.2023).
8. Egypt. Key Developments in 2021. – URL: <https://freedomhouse.org/country/egypt/freedom-world/2022#CL> (дата обращения: 27.10.2023).
9. Ранний брак в Египте: законы и обычаи (NoonPost, Египет) (27.03.2021) // ИноСМИ. – URL: <https://inosmi.ru/20210327/249401400.html> (дата обращения: 29.09.2023).

Статья поступила в редакцию 28.08.2024.

Принята к публикации 10.09.2024.

Aleksandr O. Filonik
Arab Woman: From Old Dogmas
to New Realities
(Part 2)

Alexander Filonik,
 PhD(Economics), Leading Research Associate,
 Center for Arab and Islamic Studies,
 IOS RAS
 e-mail: fao44@mail.ru
 © Filonik A. 2024

***Abstract.** The basis of the Muslim community is the family, and Islam has always called on Muslims to strengthen this main pillar of their existence in the complex world by increasing their numbers as a guarantee of success and prosperity. For centuries, this truth has been ingrained in the minds and has become an integral part of the ideas that have been perceived by many generations as a guide regulating family life and structure, as well as the place of women in it and determining their role and functions on the demographic vector. A similar set of problems is closely associated with the phenomena that accompany the life of women in modern Egyptian society. In the life of women in the family and marriage, many things are still subordinated to traditionalism, which in many respects does not meet modern views on the role of women in everyday life and outside the home and is at odds with the course towards modernization of the country. In light of these imperatives, some*

modern aspects of the position of women in Egyptian society, the interpretation of their rights within the framework of legal marriage norms and traditions, the attitude of the authorities to the problem of the place and role of women in society are analyzed. The state's position on issues of family and public morality is assessed. The approach to expanding female employment in the economy and the circumstances that force the masses of women to fully immerse themselves in housework are considered.

Keywords: *Al-Azhar; marriage; information and communication networks; women; divorce in absentia; early marriages; society; birth rate; president; family; tolerance.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
3 (333) – 2024**

Научно-информационный журнал

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Корректор О.В. Шамова
Компьютерная верстка
К.Л. Синякова

Подписано к печати 15 / XI – 2024 г. Формат 60×84/16
Печать офсетная

Усл. печ. л. 5,8 Уч.-изд. л. 5,2
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6